

Дмитрий ДМ
КОНТРАБАНДИСТЫ
в ВРЕМЕНИ 2
Невеста для царя

18+

Дмитрий DM

**Контрабандисты во
времени: Невеста для царя**

«Автор»

2026

DM Д.

Контрабандисты во времени: Невеста для царя / Д. DM —
«Автор», 2026

Продолжение захватывающей истории о двух удачливых мошенниках Демьяне и Бруно, которые попав во Францию XV века, пытаются наладить контрабанду артефактов в современность. В этот раз у них появилась невероятно сложная миссия в России времен Ивана Грозного....

© DM Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие ко второй книге.	6
Глава 1. Предательство №3.	8
Глава 2. Не хрен лезть туда, куда не надо.	14
Глава 3. Новые реалии, а проблемы старые.	23
Глава 4. Дорогая это я.... Твой котик.	29
Глава 5. К вопросу о чистоте королевской ДНК.	36
Глава 6. Черная королева.	43
Глава 8. Договоры и обещания. Что между ними общего?	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Дмитрий ДМ
Контрабандисты во
времени: Невеста для царя

Название: Контрабандисты во времени 2: Невеста для царя

Автор(-ы): Дмитрий ДМ

Ссылка: <https://author.today/work/160753>

Предисловие ко второй книге.

(прошу внимательно прочитать, прежде чем писать коменты)

Дорогие мои читатели, те, кто ждал эту вторую книгу и те, кто только присоединились к повествованию истории о двух незадачливых мошенниках Демьяне и Бруно. Эта книга, так же, как и первая, абсолютно не претендует на историческую точность и безукоризненное следование строгим канонам жанра попаданчества. Но я как историк, по своему первому основному образованию, не позволил повествованию превратиться в псевдоисторическую ахинею, столь свойственную многим авторам АТ, тем, кто пытается писать в жанре попаданчества и исторических приключений. Поэтому в книге есть обоснованная историческая логика и отсылка к реальным событиям. Есть детальное описание предметов быта, интерьеров, образов и характеров. И все же, хочу еще раз подчеркнуть — несмотря на то, что в моей книге встречается очень близкое к действительности описание реальных исторических событий и реальные исторические персонажи, в ней они все же довольно вольно трактуются. Как писала известная исследователька средневековой жизни Парижа Симона Ру «нет никакой возможности установить точнейшие данные о жизни простых людей той эпохи, так как существует определённая специфика документирования событий в то время». Кто в курсе надеюсь, понимает, о чем идет речь.

Моя книга лишь для тех, кто хочет узнать о дальнейших приключениях двух наших современников в Средневековье и не более того. Она предназначена для легкого и развлекательного чтения, и не берет на себя никаких обязательств по созданию точного аутентичного мира. Но, прежде чем вы перейдете к самой истории, хочу оговорить сразу два момента, вернее два самых распространенных и критичных мнения, что возникли у некоторых дотошных читателей при прочтении первой книги.

1. Жанр попаданчества подразумевает под собой, что люди, попавшие в другой мир, прошлое, будущее, другую страну, фантастический мир или инопланетный мир — говорят на языке аборигенов и понимают их. Это не поддающаяся сомнению аксиома попаданства. В противном случае жанр попаданчества не имеет никакого смысла и становится невозможен с точки зрения ассимиляции попаданца-путешественника и о нем можно забыть. А первопроходцы жанра Марк Твен, Эдгара Берроуз, Джон Гордон, Спрэг де Камп должны уйти в утиль так же, как и тысячи авторов, пишущих в этом жанре. Не существует никакого, кроме фантдопущения, решения, как сдвинуть этот ментальный «камень преткновения». Это можно только принять в своем сознании, как данность и просто наслаждаться чтением.

2. Теперь отвечаю всем, кто начал рассуждать на тему того, что Библия Гутенберга перенесенная из XV века в наше время вызвала подозрение и ее сочли бы за подделку. Хочу прояснить этот момент. Дело в том, что только в фильмах существуют сверхгениальные мошенники, подделывающие исторические артефакты, а дураки специалисты и реставраторы, как наивные дети покупаются на их изделия. Как историк вам говорю — это невозможно. Невозможно подделать артефакт так, что грамотный специалист с аукциона Сотбис не определит подделку (если он не в сговоре с мошенниками). Существуют десятки тысяч параметров, по которым можно определить подлинник от подделки. Начиная от очень специфичного состава чернил, где свинец добыт на каком-нибудь уже давно заброшенном руднике в Швеции, бумаги, имеющей особое переплетение волокон, потому что лоток с массой тряс работник Гутенберга левша, волокон ниток из сшивки переплетает, образовавшегося лигнина.... до характера нанесения красок, даже хвостик какой нить буквы может выдать подделку и прочее. Так до бесконечности. Многие материалы, сейчас просто уже недоступны, и чтобы их произвести, нужны многолетние и очень дорогие лабораторные исследования. Еще раз повторю, их десятки тысяч, этих нюансов. Мошенник физически не способен воспроизвести весь этот технологический

процесс и учесть все тысячи тонкостей. Хороший специалист найдет то, что выдаст подделку. Даже пресловутый «Черный квадрат» Малевича очень сложно подделать. Поэтому артефакт, перенесенный в будущее, будет идентифицирован, как очень хорошо невероятно сохранившийся подлинник, избежавший последствий процесса энтропии. Да к нему будет куча вопросов, но ни один нормальный специалист не станет сомневаться в его истинности. Тем более следуя великой ТО Эйнштейна этот переход неизбежно внесет свои коррективы. Те, кто этого не понимают, просто не знакомы с матчастью.

Поэтому эти две претензии, с этого момента я считаю глупыми и не буду на них отвечать.

Ну, вот и все что я хотел сказать, перед тем как вы начнете читать книгу, поэтому более не буду занимать ваше внимание и приглашаю поскорее присоединиться к приключениям моих героев в новой книге из цикла «Контрабандисты во времени».

Приятного чтения ваш Дмитрий ДМ.

Глава 1. Предательство №3.

— Сучка! Вот же сучка!

Бруно отчаянно заломил руки за головой, как несчастная наложница с картины Эжена Делакруа «Смерть Сарданапала».

Более получаса он хоккейной шайбой метался из угла в угол по помещению аптеки, не в силах стоять на месте и внятно построить речь. Каждый раз его спич прерывался руганью, воплями, проклятиями и криками. Иногда он все же находил силы остановиться, но не выдержав внутреннего напора эмоций, тут же срывался, повторяя движение детского волчка - сделал несколько оборотов на одной ноге или сразу на двух, переходил к яростному топоту ногами.

— Сучка-а-а-а! — в очередной раз он, вскинув голову к низкому закопчённому потолку, обхватил ее руками и проскулил, — нет, ты представь только! Я ее вытащил из этого дерьма, где моя Анна жила простой дочуркой пекаря, не зная о настоящей цивилизации. Из грязного вонючего средневековья... А она? А что она? А он-а-а, — он остановился перед Демьяном, протянув к нему руки, — а она, кинула меня! И не просто кинула! Сбежала с этим проклятым французским преподом из болонского университета!

Демьян присев на стол устало смотрел на друга.

— Скажи же что-нибудь! — Бруно схватил его за плечи и истерично потряс.

— Что? — ответил Демьян и не спеша убрал его руки.

— Как что? Как что?!

Но Бруно унимался. Он подпрыгнул на месте и снова начал путь безумной кометы в замкнутом пространстве небольшого помещения аптеки. Демьян махнул рукой, зашел за стол, где лежал ворох различных бумаг ждущих, что им уделят время и разберут. И еще, он сегодня намеревался наконец-то подвести бухгалтерию их предприятия. Торговля артефактами шла достаточно неплохо. Он разумно не стал тащить на рынок будущего дорогие предметы из прошлого, а ограничивался небольшими изделиями ремесленников, редкими монетами, книгами и прочими предметами, которые интересовали коллекционеров, подходили для аукционов антиквариата, но не привлекали особого внимания, как это произошло с Библией Гутенберга и двумя золотыми флоринами. Его мечта о картине от Леонардо да Винчи затягивалась, по самой простой причине — мастер, как всегда, сделав первые удачные наброски, отложил работу и всячески динамил, что было свойственно натуре великого Леонардо и на что всегда жаловались все заказчики, начиная от флорентийских магнатов Медичи до французских монархов. Да и здоровье в последнее время у великого мастера очень серьезно пошаливало.

— Нет, ты все-таки скажешь хоть что-нибудь?

— Решай свои проблемы сам! — огрызнулся Демьян, — я тебе всегда говорил, нечего было тащить ее туда.

Он указал на дверь, искусно замаскированную под деревянные панели и скрытую гобеленом. Чувствуя, как он начинается заводиться, вливаясь в эмоциональный вихрь своего друга продолжил.

— Но ты же не мог! Ты потащил ее в современность. И мало того, свалил все работу по аптеке на меня! Я один просиживал неделями и месяцами в Средних веках. Вел наш с тобой бизнес пока вы наслаждались беззаботной жизнью. Я пахал не покладая рук, а вы почти полностью переселились обратно в будущее. Катались по туристическим путевкам в Турцию, во Францию, в Америку, пока я тут ишачил, как проклятая шахтерская лошадь, ведя все наши дела! И кстати, зарабатывал деньги для ваших вояжей.

— Но ведь ты сам просил, чтобы тебя оставили в одиночестве... Ну после того, как ты завалил Сему Молотка.

Демьян не на шутку разозлился.

— Да! Но ты в очередной раз бросил меня! И я рад, что она оказалась совсем не промах для девушки простушки из средневековья. Я бы сказал, она показала себя просто настоящей, прожженной и расчетливой супербабой....

— Не говори о ней так! — запротестовал Бруно, — я продолжаю любить ее! Моя Анечка-а....

— Да, мать твою! — злорадно заорал Демьян, — твоя Анечка очень шустро оперилась за эти три-четыре года! Постой-ка, как это было....

Демьян встал за столом, приняв театральную позу, потом запрокинул голову, закатил глаза и чванливо гнусавя, сказал.

— Моя Анечка просто гений. Она так хорошо освоила Интернет, что даже я в нем не разбираюсь так умело. Она записалась на кучу образовательных курсов, стараясь наверстать свои пробелы, чтобы не отставать в развитии от современников из будущего.... И вообще у нее несколько предложений от модельных агентств, — Демьян вышел из пародийного образа, перестав кривляться и заорал, — Мудак! По твоей милости теперь там разгуливает особа из средневековья и что будет, если она начнет болтать? Ты никогда не думал об этом?

Бруно виновато молчал.

— Ты ее познакомил с этим преподавателем профессором из Франции....

Демьян не выдержал и снова передразнил своего друга.

— Его так восхитил ее старый французский язык и ее милые манеры. Ах, она теперь сможет консультировать университет Болоньи. Да? Так было?! А ты тщеславный идиот, всячески поощрял эти контакты! И вот теперь получи!

Демьян не выдержал, схватил ворох бумаг со стола и швырнул их в Бруно. Выпустив пар, он спокойно сел за стол и сказал.

— Думай, как ты теперь будешь объясняться с ее отцом и ее пятью братьями. Подозреваю быть твоей морде битой, а ребрам переломанными. И вообще, Бруно, отстань от меня. Решай все свои проблемы сам. Мне и так хватает своих забот.

— Ты после той драки с Семой очень сильно изменился. Ты стал не такой, каким был прежде, а превратился в черствый сухарь. Не можешь выслушать друга и попытаться помочь ему....

Он не договорил, видя, как лицо Демьяна перекосила гримаса бешенства, и он угрожающе привстал из-за стола. Его рука дернулась в поисках увесистого предмета, чтобы швырнуть им в своего друга. Бруно, словно пленный фашист с карикатуры Кукрыникосов поднял обе руки и быстро взбежал на лестницу, ведущую на второй этаж.

— Все, все братишка! Прости! Я не хотел. Оставлю тебя одного. Я переоденусь и займусь делами. Все братишка, без баб! Братья Демьян и Бруно снова в деле. А эта.... Сучка Анна Болейн, дочка пекаря, она еще попляшет у меня, — его голос затих где-то наверху.

Демьян посидел несколько минут, приходя в себя.

«Черт побери, ну почему он все время приходит с проблемами, а не с чем-нибудь путным? Это какое-то мое пожизненное проклятье», — грустно подумал он, — «а может быть он прав? Нужно жить вот так, как живет он, совсем не думая о своих поступках. Не думать, что будет если сделать это или, то? Не думать о том, что принесет человеческой истории наши необдуманные действия. Забыть про этот проклятый эффект бабочки. Просто жить».

Демьян достал небольшой серебряный медальон с портретом Изабелль. Ее подарок о всего лишь одной их ночи, когда они были вдвоем.

После кровавого поединка с Семой Молотком король приблизил Демьяна, сделав его придворным аптекарем. Франсуа ле Бертран от бессильной ярости, что ничего не может поделать с этим выскочкой инородцем из далекой Московии, вскорости заболел от переживаний и слег. А после того, как он умер, встал вопрос о выборе нового главы цеха аптекарей. Король всячески оказывал Демьяну свое расположение и намекал магистрату о своем кандидате, но в

те времена монархия еще не приобрела, признаки абсолютизма и поэтому Людовику так или иначе приходилось считаться с цеховыми мастерами, мэром, духовенством и прочими влиятельными людьми Парижа. Да и сам Демьян не шибко стремился к столь высокой должности и все чего он желал, это лишь видеть Изабелль, во время аудиенций у короля или посещая двор по делам лечения или поставок лекарств. Он периодически видел возлюбленную и его сердце разрывалось от страданий, вызванных неутоленной любовью, ревностью. Ему иногда хотелось схватить этот напыщенный ароматическим розовым маслом напыщенный мешок, по имени Людовик и вытрясти из него всю душу. Но он не мог.

Они несколько раз встречались с ней в церкви на службе, в том месте, где их не могли заподозрить в порочащих королевскую фаворитку связях. Она передавала ему письма, которые он трепетно хранил у себя в квартире в будущем. И когда он там бывал, то перечитывал их все по нескольку раз. Иногда он вскакивал полный решимости раскрыться ей в том, кто он на самом деле и предложить ей последовать за ним в его мир, чтобы наконец-то обрести счастье. Но каждый раз решимость пропадала, когда он трезво начинал размышлять об «эффекте бабочки», хотя Бруно бесцеремонно попрадал этот эффект и ничего страшного не произошло. Демьян думал о том, что в этом случае им придется покинуть средневековые навсегда. Вот в последнем и была настоящая причина его страданий, в которой он не хотел себе признаваться. Демьян боялся потерять возможность путешествовать во времени. Где-то в глубине его души сидел тайный червь безграничного тщеславия, в котором он обвинял Бруно. Но его черта характера имела более сильное воздействие, чем у его друга. И червь крепко держал, обвинив кольцами своего тела ключ от замка закрывающего все его желания расстаться с пространственно-временным порталом ради любви. Все сентиментальные натуры знают, что если ты не можешь пожертвовать ничем ради своего любимого человека, то рано или поздно тебе придется заплатить горькую цену потери и прожить остаток своей несчастной жизни, каждый день, упрекая себя в малодушии. Впрочем, Демьян успокаивал себя мыслью, что вскорости он откроется Изабелль, вот только надо чуть-чуть времени — пусть этот проклятый Леонардо да Винчи допишет свою картину. Таким образом, он нашел себе оправдание и, страдая, тянул с принятием решения.

Но та единственная ночь случилась.

Людовик покинул замок Консьержери и отправился с двором в свою летнюю резиденцию, подальше от жаркого летнего зноя, отягощенного парижской вонью, к прохладе небольшого озера Этан Де Карп, в милое местечко Фонтенбло излюбленное место охоты и отдыха французских королей. Он любезно пригласил с собой Демьяна. Надо отметить, что монарх испытывал к нему некую издевательскую симпатию и был не прочь при случае побеседовать с ним на разные темы. Единственное что ненавидел в этих беседах с монархом Демьян это упоминание о своем поединке с Семой Молотком. А королю наоборот доставлял удовольствие личный пересказ Демьяном всех нюансов того события.

В тот день король охотился, но охота не задалась. Он загнал двух оленей, но подстрелить их из арбалета не смог. Болты ушли мимо, причем один прошел сквозь ветвистые рога, и животное ушло по хлябким тропкам в болота. Охотники попытались сунуться вслед за оленями, но увязли в трясине, едва не утопив двух любимых собак короля. Через некоторое время егеря выгнали на короля большого кабана, и Людовик решил лично убить его копьем, продемонстрировав всем свою доблесть. Пока собаки его удерживали, король спешил, взяв из рук егерей свое любимое кабанье копье, подаренное ему германским императором. Но Вепрь оказался очень большим и агрессивным — тем паче его убийство, для любого охотника считалось особым подвигом, а голова этого кабана стала бы достойным трофеем охотничьего зала в замке Фонтенбло. Одна собака, неосторожно попавшая под большие и острые клыки, уже лежала вся в крови, в стороне, поскуливая в предсмертных конвульсиях. До кабана осталось примерно десять шагов, и король рассчитывал ударить его в шею. Но внезапно кабан всем

телом развернулся на месте, раскидал собак и бросился в его сторону, выставив вперед клыки. Людовик перехватил копьё, уперев его конец себе в бедро, и выставил острие навстречу несущемуся разъяренному животному. К несчастью, он промедлил всего одно мгновение, и удар копьё пришёлся по жесткой щетине холки, а лезвие отклонилось в сторону. Вепрь сбил охотника с ног. Демьян с ужасом смотрел на разворачивающуюся драму. Еще несколько секунд и острые клыки могли вспороть живот короля или же разорвать артерии на ногах, излюбленное место удара кабанов самцов. Монарха спас его верный егерь, огромного роста мужик, которого все звали просто Файлез.[1] Он бросился на выручку и, навалившись на вепря, пронзил мечом шею животного. Когда стихли первые хрипы смертельно раненного кабана, король, пошатываясь, встал весь в грязи и в самом дурном расположении духа.

Вечер, неудачливый охотник монарх провел за карточным столом. Ему снова не везло, но уже в игре. Он пил много вина в компании приближенных к нему придворных, куда пригласили и аптекаря из Московии. Но Демьян, не любил такие, как он называл, «бухие царские посиделки» где он единственный незначительного происхождения человек частенько становился объектом язвительных насмешек и острот, как со стороны короля, так и со стороны придворных, которые, чтобы заслужить его улыбку или смех, всячески упражнялись в этом низком занятии. Изабелль находилась при монархе рядом. Она сидела с несчастным видом, чем вызвала крайнее раздражение монарха. Демьян уже не раз слышал в перешептываниях придворных, что король очень недоволен ей, называл несчастную девушку то «холодной бесчувственной лягушкой», то «мадмуазель печаль» и периодически грозился или отослать ее в монастырь или выдать замуж за старого маршала Шарля де Амбуаза сеньора де Шомона. Придворные заметили эту перемену к ней монарха и всячески пытались опорочить Изабелль, параллельно подсунув в его постель своих кандидаток. Но пока это не получалось, так как Людовик все же хотел добиться от нее страстных, чувственных отношений, а уже потом избавиться от фаворитки навсегда, тем самым отомстив за ее постоянную холодность к нему. После очередного бокала вина он, кинув взгляд на Изабелль раздраженно сказал.

— Сударыня ваше выражение лица, от какой-то внутренней аскезы, способно сделать наше вино невыносимо кислым.

Изабелль опустила голову и, не смея взглянуть на монарха ответила.

— Даже если избавлюсь от нее и начну улыбаться Ваше Величество, то я не думаю, что мое ложное веселье вернет ему сладость.

Дерзкий ответ не понравился Людовику. Он швырнул свои карты на стол и не глядя на нее сухо произнес.

— Думаю, сударыня вы желаете незамедлительно покинуть наше общество. А то ваше присутствие действительно вскорости превратит вино в уксус, — он повернулся к ней, — и может быть, хотя бы отсутствие унылой дамы среди нас, вернет мне удачу в игре. А вам сударыня нужно дать то, чего вы так желаете.

— Да Сир, — покорно сказала Изабелль и присев в поклоне бесшумно покинула зал.

Демьян сжал кулаки и испытывая боль за унижение любимого человека, исподлобья проводил взглядом, уходящую девушку. О, как он хотел сейчас броситься на него и размозжить его голову так же, как он это сделал с Семой Молотком. Король, как ни в чем не бывало, продолжил играть в карты, изредка пересказывая приятелям некоторые интимные подробности своих отношений с Изабелль. Его партнеры по игре, похохатывая, бросали карты на стол и поддерживали настроение своего сюзерена, стараясь незаметно разжечь в нем неприязнь к опальной фаворитке. Каждый понимал, что момент настал и в скором времени, он охладет к ней и ее место освободится, а король начнет искать новую кандидатуру для своей постели. А по тому тону, каким он удалил Изабелль, все говорило, что возможно это случится если не завтра, то на днях точно. Несколько дам, оставшихся в зале, незаметно придвинулись к столу, за которым шла игра и бросали кроткие, но томные взгляды на Людовика.

«Как же все это противно! Бедная моя Изабелль», — думал Демьян.

Через некоторое время король основательно набрался вина и, кивая охмелевшей головой, засобиравшись в опочивальню. Но ему хотелось кем-то заместить Изабелль. Он едва заметно кивнул одной из дам, которая, потупив глаза счастливо улыбнулась.

Демьян, кляня на все лады монарха и его приближенных вельмож, отправился в свою небольшую комнату в крыле замка, отведенного для прислуги и незнатных обитателей двора, не обладающих родовитым происхождением. Но, впрочем, ему полагался, как гостю самого короля, слуга, да и комната имела довольно чистый и опрятный вид. Демьян же не привык пользоваться помощью прислуги, живя по принципу «всех слуг и лакеев отменили еще в семнадцатом году», фразу, которую любил говорить его дед, приучая внука к самостоятельности. Он отпустил его еще в полдень, поэтому скинув камзол решил лечь спать. Сел на кровать и глядя на свечу на столе, просидел несколько минут, сжав кулаки и прижимая их губам, словно хотел впиться в кожу своих рук зубами.

«Черт побери, все это проклятое средневековье», — думал Демьян, — «надо что-то делать. Так дальше продолжаться не может. Почему я, живя здесь, начинаю принимать правила игры этого времени? Почему, я, черт возьми, подстраиваюсь под проклятый образ жизни Средних веков? Что со мной происходит? С человеком из будущего.... Прав Бруно, тысячу раз прав...».

Его переполняли чувства. Он встал, открыл небольшое окно и вдохнул прохладный воздух ночи. На столе стоял кувшин с вином. Он схватил его и, не отрываясь, осушил. Через некоторое время пришло успокоение.

«Какой может быть к чертовой матери сон?! Я не усну!».

Но он сел на кровать.

Не успел Демьян стянуть с ног обувь, чтобы лечь прямо в одежде на постель и уставиться в потолок надеясь, что сон придет к нему, как в дверь тихо постучали.

На пороге стояла Катерина, служанка Изабелль.

— Месье госпожа просит вас прийти к ней. Она себя плохо чувствует и ей нужны лекарства.

Демьян не мешкая ни секунды, схватил сумку и отправился вслед за служанкой. Он быстро шел Катериной, в полутьме коридоров, ощущая, как сильно бьется его сердце. Демьян решил, что не будет ждать подходящего момента, а возьмет Изабелль за руку и они этой же ночью сбегут из Фонтенбло в его «жизнь». Но едва он вошел в ее покои, как она бросилась ему на грудь и стала осыпать его лицо и губы поцелуями.

— Прошу вас мой господин, не оставляйте меня сегодня. Пусть эту нашу с вами ночь защитит Пресвятая Дева.

Демьян выронил сумку с лекарствами и, отдавшись чувствам, обнял Изабелль, изо всех сил прижимая ее к себе.

— Я никогда не оставлю тебя моя любовь, — прошептал он, — клянусь, я никогда не оставлю тебя.

Девушка взяла его за руку и повела за собой к кровати с балдахином.

— Катерина предупредит нас, если Его Величество вознамерится меня посетить сегодня. Она предана мне.

Изабелль повернулась к Демьяну и, заглядывая ему в глаза сказала.

— Здесь есть потайной вход и в случае опасности ты сможешь беспрепятственно уйти. Но я не думаю, что у него сегодня возникнет такое желание. Я слышала, что мадмуазель де Буаселье, наконец-то добилась своего, освободив меня от общества короля, и теперь страстно ублажает его в королевских покоях.

— Я убью проклятого Людовика, если он только сунется сюда, — злобно прошипел Демьян, — я ненавижу его.

Но Изабелль испугано приложила ладонь к его губам.

— О нет! — прошептала она, — любовь моя даже не думай об этом. Мало ли нам испытаний послал Господь... Я не переживу если тебя казнят. Пусть эта ночь будет нашей и только нашей. Я так ее ждала мой господин. Я так ждала... когда буду принадлежать только тебе.

— Изабелль, я должен тебе кое-чем признаться, — остановил ее Демьян, — я должен тебе рассказать...

— Прошу, — прошептала девушка, — ты скажешь мне все завтра. У нас мало времени, чтобы принадлежать друг другу. До рассвета осталось совсем немного, а прислуга в замке встает с восходом и тебя могут увидеть. Потом, ты все скажешь мне потом...

Изабелль полностью сбросила с себя одежду и легла на постель, увлекая за собой Демьяна.

Утром он ушел через потайной ход к себе в комнату. Демьян твердо решил, что как только они вернуться в Париж, он обо всем расскажет Изабелль и заберет ее с собою в будущее, чего бы это ему не стоило.

«Плевать на этого да Винчи и на его сраную картину. Обойдемся без него!», — подумал он, прижимая к лицу руки и вдыхая аромат, оставшийся на ладонях. Это был аромат Изабелль тонкий сладкий фиалковый аромат, с нотками пудры и свежих весенних вишневых веток.

А после полудня он узнал, что король Людовик срочно отослал Изабелль в один из каких-то строгих монастырей на север Нормандии, где она должна жить и через некоторое время выйти замуж за старика маршала сеньора Шарля де Шомона.

[1] В переводе с французского, означает утес.

Глава 2. Не хрен лезть туда, куда не надо.

Пока Бруно переодевался наверху и всем своим видом показывал, что он снова «в деле» и с всякими амурами и любовью отныне покончено — Демьян разобрал бумаги и привел бухгалтерию в порядок. Его друг нарочито звучно топал ногами так, что побелка иногда осыпалась подобно робким снежинкам, деловито покашливал и вслух, громко клялся, что сучка Анька Болейн ему и так уже надоела, а придет время она еще попляшет.

«Наверное, так и надо жить», — подумал Демьян, поднимая глаза к потолку, где продолжал бушевать его друг, с уязвленным самолюбием преданного мужа, — «и не думать ни о чем, и ни о чем не сожалеть».

Он в глубине души обрадовался возвращению Бруно именно в этот период, когда все мысли, в его голове, касались только Изабелль, о том, как найти ее и как вытащить из монастыря, сейчас, он особенно нуждался хоть в какой-то моральной поддержке. Но Бруно вместо помощи пытался перевалить на него свои проблемы, впрочем, он делал так всегда. Демьян попросил Гастона разыскать любимую девушку, что тот и сделал. Но монастырь как, оказалось, придерживался чрезвычайно строгих цистерцианских правил. Войти туда могла исключительно женщина и то пускали не всех представительниц прекрасного пола, а уж мужчинам вход был строжайше запрещен.

— Матушка-настоятельница, в этой богадельне в аббатстве Мортимер настоящий цистерцианский[1] дьявол, — посмеиваясь, рассказывал Демьяну Гастон пару дней назад, когда они сидели за стаканчиком вина, — заползти за его стены могут лишь оскотенные, дряхлые, слепые и полностью немощные монахи-девственники. Местный аббат и кардинал имеют право войти только в притвор или в особую комнату для общения с настоятельницей. Удивительно даже королю туда вход заказан. Я еще не встречал монастыря с таким сатанинским уставом. Все монахини, гости и воспитанницы сидят под семью замками, а всё общение аббатис или сестер, которым дозволено общаться с внешним миром происходит через две толстые решетки. Я слышал, что туда на воспитание отдали несчастных юных дочерей испанского и польского монархов. За весьма щедрое пожертвование монастырю их вышколят и сделают богобоязненными девицами. Иначе туда попасть на воспитание сложно. Говорят, командует там всем парадом злая бестия настоятельница Жаклин д'Эстре старая девственница, не познавшая в своей жизни ни одного мужчины. Она провела всю свою молодость в жесточайших аскезах и молитвах, потом к ней во сне привиделась святая Клара Ассизская и девица Жаклин вконец свихнулась от постоянного умерщвления плоти. И вдобавок, помогал ей в этом, сумасшедший проповедник Франсуа де Салем основатель Ордена Визитанок. Наплел ей, что она теперь избрана Господом, также бороться с проявлением зова плоти у других баб. И дурища, пользуясь тем, что она самая младшая дочь в семье, ушла в монастырь. А через пару лет, после смерти предыдущей настоятельницы заняла ее место.

Гастон ударил пустым стаканом по столу и рассмеялся.

— До этого монахини жили довольно свободно, иногда совершая мелкие грехи, а вот с приходом Жаклин наступили черные времена. Молитвы начинаются задолго до рассвета, тяжелая работа и почти полное затворничество, куча обетов, которые нужно обязательно принять и бесконечные аскезы...

— Ни хрена себе, — пробормотал Демьян.

— Да мой друг, твоя возлюбленная оказалась живой в холодной могиле.

— И нет никакой возможности передать ей письмо?

Гастон налил вина, поднял над собой и произнес.

— Да здравствует любовь мой друг!

Он вытянул руку со своим сосудом и легонько стукнул им о бокал Демьяна, из которого тот еще не сделал ни глотка.

— В монастыре, как я тебе говорил, воспитывается четырнадцатилетняя дочь польского короля Агнес и у нее есть какая-то старая польская служанка, которую она притащила из Речи Посполитой. Иногда старуха навещается в соседнюю деревню купить овощей и мяса для своей госпожи.... Сам понимаешь пища в монастыре весьма скудная и молодой девушке нужна хорошая еда. Так вот она приносит ей не только свиные колбасы, морковь и капусту, она приносит ей письма от некого молодого польского шляхтича, который трется там рядышком и горько вздыхает, поглядывая на неприступные стены монастыря.

«Мда-а», — подумал Демьян, — «прав был говнюк папаша Мюллер, что знают двое, знает и свинья».

— И что ты думаешь можно через эту старуху как-то передать послание Изабелль?

— Я думаю, что последствия раскрытия этого маленького секрета польской принцессы намного тяжелее, для нее и ее воздыхателя, чем выполнить нашу небольшую просьбу.

“Эффективность шантажа еще никто не отменял!” — усмехнулся про себя Демьян.

Он, улыбаясь, молча кивнул в ответ, и облегченно вздохнув, полностью осушил бокал.

— Гастон, ты pomoжешь мне?

— Какой француз откажет в помощи двум влюбленным?! — рассмеялся его друг, — я уже переговорил с этим молодым шляхтичем.

— И что он? — с надеждой в голосе спросил Демьян.

— Сначала он попер на меня выхватив рапиру, но признав в моей личности человека благородного происхождения, — Гастон рассмеялся, — видать не все во мне тогда вытравили, лишая титула и рыцарского звания, — так вот он решил вызвать меня на поединок, сразиться, как два благородных сеньора.

— Гастон, ты же убьешь его! Если согласишься, единственная ниточка к Изабелль прервется.

Гастон, задумчиво посмотрел в сторону.

— Мы уже обо всем договорились.

Видя, удивленное выражение своего друга пояснил.

— Я же тебе говорил, да здравствует любовь! Этому шляхтичу всего шестнадцать лет. Он совсем еще юн и неопытен. Я, мой друг, с некоторых пор стараюсь обойтись без убийства и решать все споры полюбовно. Хватит в моей жизни мертвецов. Я достаточно убивал.... А убить этого мальчика, — Гастон вздохнул, — оборвать такую прекрасную и молодую жизнь, это ужасный грех даже для такого последнего негодяя и душегуба, как я. Видел бы ты видел, как он держал свою рапиру в дрожащих руках. Как он поставил ноги. Мне ничего не стоило отвести ее в сторону и вонзить кинжал прямо ему прямо в горло. Черт побери, я едва не разрыдался, глядя на него. Он защищал свою любовь.

Гастон налил еще вина.

— Я решил все сделать по-другому и рассказать ему твою печальную историю. И разве влюбленный человек не поможет своему собрату влюбленному? Конечно, поможет! Паренек стал нашим лучшим другом, и он оказался очень, я тебе скажу, неплохим малым. Я научил его пить вино, и мы напились с ним, так что едва ворочались языки и умудрились подраться с местными школярами.

Гастон похлопал Демьяна по плечу.

— Пиши письмо даме своего сердца и будем готовить ее побег, друг мой.

Бруно спустился со второго этажа, одетый в основном в черные одежды. Демьян бросил на него оторопелый взгляд.

— Ты чего так траурно вырядился? Кого хоронишь?

— Да братишка, у меня черное состояние души и настроение соответствующее. Анька Болейн меня бросила, подло сбежала вот и одежды у меня цвета тоски и пронзительной душевной боли. Чего мне радоваться? И кроме всего прочего, не нашлось никакой другой одежды!

— Делать тебе нечего..., — вздохнул Демьян, — ты лучше думай, как будешь объясняться с папашей Жаком Хромцом и ее пятью братьями. Вот где настоящий пронзительный траур начнется.

Бруно присел рядом за стол.

— Дема, ты мне друг?

— Не начинай..., — Демьян уже понимал к чему весь этот показной черный маскарад.

— Братишка, ну пожалуйста. Ну что тебе стоит? Ты лучше меня сможешь найти выход из этой неприятной ситуации. Поговори с ними сам. Ну, придумай что-нибудь. В конце концов, ты общаешься с королем! И этот неотесанный пекарь не посмеет тебя тронуть.

— Отвали Бруно! Хоть раз в жизни реши свои проблемы сам. У меня и так хватает забот, а я еще должен заниматься твоими....

Он не успел договорить, как раздался сильный нетерпеливый стук. Кто-то снаружи, лупил в дверь изо всех сил.

— Ты повесил табличку, что мы не работаем? — спросил Демьян.

— Да как ты и сказал. Написал черным по белому, — пожал плечами Бруно, — но ты ведь сегодня ждешь Гастона. У вас какие-то темные делюги нарисовались, в которые ты, меня, своего ближайшего друга, не посвящаешь.

Демьян действительно так и не посвятил его в существование отношений с Изабелль, зная неумную болтливость Бруно и опасаясь, что тот может запросто разболтать все дочке пекаря или между делом поделиться с каким-нибудь скучающим торговцем на рынке.

— Я его жду после полудня, и он не стучит, как сумасшедший, — начал было Демьян.

Стук не умолкал, а становился все более настойчивым и нетерпеливым.

«Кого там еще черт принес?!», — Демьян набрался духу, встал и открыл дверь.

В проем ввалился запыхавшийся Гастон, едва не сбив его с ног. Он захлопнул ее за собой, и вернув на место засов, прижался к двери спиной. Его тяжелое дыхание говорило, что ему пришлось долго и очень быстро бежать.

— Похоже, он все-таки сумасшедший, — заметил Бруно.

— Ты какого дьявола мешкаешь?! — Гастон наклонился, вперед упираясь руками в колени, — фу-ух, черт побери, бежал, как загнанный олень. Хочу есть и пить, словно Сатана в окружении монахов девственников! Надеюсь, ты накормишь своего друга.

Он заметил Бруно.

— Ты уже вернулся из Московии приятель?

— Я-то да, а вот с тобой, что случилось приятель? — весело парировал Бруно, — сто-метровку вжарил с похмелья?

— Чего он несет? — спросил Гастон у Демьяна.

— Не обращай внимания, — отмахнулся тот, — ты передал письмо?

— Да. Все по плану, если мы только сейчас не попадем в Большое Шатле.

При упоминании тюрьмы, Бруно перестал весело улыбаться и вскочил.

— Так парни! Мы так с вами не договаривались! Я в ваших делах не участвую! Мне уже хватило одного раза оказаться в вонючем подземелье парижского КПЗ. Я всласть пожил рядом с крысами и полежал на нарах из гнилой соломы....

— Да замолкни ты! — оборвал его Демьян, — Гастон что случилось?

Ответом стали сильные удары в дверь.

— Именем короля! Приказываю, открывайте!

Гастон развел руками и прошептал.

— Собственно говоря, вот это.... Я хоть и король, но я король воров и как вы мои друзья знаете, по мне уже давно и горько плачет виселица. Возвращаясь в Париж, у городских ворот я нарвался на парижского прево и начальника стражи дю Жардена. Черт бы с этим ослом прево, но Николя дю Жарден тертый калач. Он устроил на меня целую облаву. И вот теперь я здесь у вас, у своих друзей!

— Ты их притащил сюда! — тихо заскулил Бруно, — все, нам конец, нас из-за тебя поволокут на виселицу, как пособников.

— Да приятель я видел на Монфоконе три пустых окна, когда пробежал мимо и одно из них, самое уютное, может стать твоим. Украсишь его своим болтающимся телом, — в пол-голоса засмеялся Гастон и, подняв руку, потряс в воздухе расслабленной кистью, изображая повешенного Бруно.

В дверь продолжали сильно стучать. Засов прыгал в петлях, громяхая и дергаясь из стороны в сторону, как ненормальный, но держался.

— Именем короля! Приказы-ы-ваю вам открыть! Я Николя дю Жарден!

Бруно, было, метнулся к гобелену, где скрывалась замаскированная панель, выход, ведущий в будущее.

— Куда! — вовремя схватил его за рукав Демьян, — совсем одурел?

— А что еще остается?!

Демьян быстро осмотрелся по сторонам.

Он толкнул его к небольшой дверце, ведущей под дом.

— Давайте быстро в подпол или что там, подвал, кажется. Я как-нибудь отбрешусь от них, а вы сидите тихо. Быстро! — прошипел он.

— А что там, — спросил Гастон.

— Я не знаю. Мы как вселились сюда, ни разу не открывали ее.

Гастон подозрительно покосился на дверцу.

— Ну, в подвал так в подвал. Похоже, другого выхода нет, — он обнажил рапиру, а кинжал, отдал Бруно, — возьми, будет, чем отбить свою никчемную жизнь.

Но Бруно отпрыгнул от него, как черт от ладана.

— Нет уж лучше вы к нам!

Они быстро подбежали к дверце, и с трудом уцепившись в четыре руки за железную скобу, открыли ее. Пахнуло сыростью, плесенью и еще чем-то, но установить, что это за запах не осталось времени.

— Фу черт, как бабкин погреб. Воняет крысами и забродившей плесневелой капустой в банках, — поморщился Бруно и замешкался, раздумывая лезть туда или нет.

— Давай же полезай! Не надо чтобы тебя кто-то видел раньше времени. Иначе сам пойдешь беседовать с братьями своей дочки пекаря. Давай быстро! — прошипел Демьян.

И теряя терпение, толкнул его в спину, с силой закидывая в подвал. Бруно, чертыхаясь, свалился куда-то в темноту. Гастон одобритительно похлопал Демьяна по плечу и спустился вслед за ним. Демьян взял со стола тяжелую сальную свечу, приложил к ней кожаный мешочек с огнивом и швырнул в подвал.

Раздался тихий обиженный вопль Бруно.

— Это тебе братишка, чтобы ты бабайку в темноте не испугался.

Демьян захлопнул дверцу и, стараясь не шуметь, задвинул большой старый сундук, загораживая им вход в подвал. Сверху на него он поставил несколько больших очень дорогих стеклянных реторт, деревянную миску с толченой серой, от которой шел резкий неприятный запах и каменную ступу с золой, а у основания сундука бросил свою дорожную сумку. Быстро оглядел «маскировочный натюрморт» и приготовился впустить не прошеных гостей.

А в дверь уже не просто стучали, а ломились, она едва сдерживала натиск снаружи, громко трещала, готовая вот-вот сорваться с петель.

— Иду! Иду сеньоры! Зачем так стучать! — крикнул Демьян и отодвинул засов.

В помещение ворвались двое солдат, и вошел сам глава парижской стражи Николя дю Жарден со своим неизменным железным жезлом. Он внимательно огляделся по сторонам и подошел к хозяину аптеки. Демьян зевнул и, потирая якобы заспанные глаза сказал.

— Сеньоры, прошу прощения. У меня послеполуденный отдых, так как вечером меня с нетерпением ожидает Его Величество.

Он посмотрел внимательно на начальника парижской стражи и еще раз зевнув, спросил.

— Чем имею честь служить, любезный Николя?

Но Николя дю Жардена просто так не возьмешь.

— Прошу прощения сеньор. Месье Демьян, у меня есть подозрение, что вы скрываете у себя в доме опасного преступника, разбойника, известного вора и убийцу Гастона Ман Дуо.

— Никогда о таком не слышал, — удивленно ответил Демьян.

— Да, правда! — усмехнулся Николя дю Жарден, — а я слышал, что вы с ним большие приятели. Мы гнались за ним от самых ворот. Быстрый, как черт под первыми лучами пасхального Воскресенья. И как вы думаете, где ему прятаться лучше всего?

— Понятия не имею, — ответил Демьян, — не у королевского же аптекаря ему скрываться. Согласитесь, это было бы глупо с его стороны.

Внезапно весь дом словно качнулся от легкого землетрясения. Слегка скрипнули доски на втором этаже. Жалобно звякнули две стеклянные реторты на сундуке. Все четверо посмотрели на потолок.

«Что за херня, происходит?», — подумал Демьян, — «землетрясение в Париже?»

Дю Жарден кивнул солдатам.

— Проверьте комнаты наверху!

Те, держа короткие алебарды, наперевес затопали, поднимаясь по лестнице. Через некоторое время они спустились и, разведя руками доложили.

— Там никого нет.

— Любезный мсье дю Жарден. Я понимаю, что вы выполняете свой долг ловите опасного вора и душегуба, как его там? Ах, да кого-то Гастона или Густава, я не знаю. Хотя вы и утверждаете, что я с ним знаком. Но поймите меня, у меня тоже есть долг королевского подданного! И это долг перед королем! Я должен хорошенько выспаться, чтобы вечером предстать перед Его Величеством в свежем виде. А как я буду радовать очи нашего любимого короля, если приду и буду зевать? Вот вы сами подумайте.

Николя дю Жарден потеревил бороду и задумчиво оглядел помещение аптеки.

— Прошу прощения месье Демьян, черт бы побрал это Гастона Счастливую Руку, — раздосадовано проговорил он и махнул рукой солдатам, — еще раз прошу прощения любезный месье Демьян, что прервали ваш послеполуденный сон. Идем ребята.

После того как начальник стражи и солдаты удалились Демьян закрыл дверь на засов, убрал реторты и отодвинул сундук.

«Слава Богу, пронесло!», — подумал он.

Он открыл небольшую дверцу в подвал и просунув голову спросил.

— Вы где?

— Здесь, давай спускайся сюда братишка, — раздался из темноты голос Бруно.

— Это еще зачем?

Внезапно дом снова сильно качнулся и по всему строению прошел глухой скрип, словно великан Гулливер пытался скрутить его гигантскими руками. Демьян не удержался и полетел вниз, как в пропасть, собирая по пути головой деревянные ступеньки лестницы. Через некоторое время, охая и постанывая, он пришел в себя, поднялся на ноги и, пошатываясь, пригляделся. Где-то впереди мерцал огонек свечи.

— Да что за херня происходит?

— Иди сюда. Тут колесо какое-то, — сказал Бруно.

Демьян помотал головой и немного пригляделся, в полумраке он различил, что посреди довольно большого помещения стоял железный шпиль, а на нем огромное, как от восточной арбы колесо.

— Прикинь братишка, — сказал Бруно и покрутил его в разные стороны.

Дом содрогнулся.

— Сколько лет живу в Париже и бывал в разных подвал и подземельях, но такой штуки никогда не видел.

Гастон, стоявший рядом, тоже задумчиво покрутил его. Дом отозвался скрипом и дрожанием.

Демьян подошел, взялся за обод колеса и крутанул его в разные стороны.

Как и в предыдущих случаях, дом ответил очередным скрипом и дрожанием.

— Обалдеть... Что это может быть?

Гастон взялся за обод колеса.

— Я слышал, что в этом районе Парижа еще до того, как пришла вера Христова, располагалось языческое капище. Язычники приносили в жертву людей и животных. Может их клали на это колесо, прежде чем перерезать горло и спустить кровь.

Гастон указал на небольшой желобок, в каменном полу идущий к основанию шпиля и снова дернул колесо в разные стороны. Дом, как и раньше, вздрогнул и немного поскрипел.

— Хм, — Демьян покрутил головой, разглядывая полутемное помещение, — не знаю, как насчет жертв, но похоже, это колесо каким-то образом связано с этим домом.

Он еще раз покрутил его и посмотрел на слегка вибрирующий потолок.

— Так ладно парни, хватит развлекаться, потом разберемся с жертвенным капищем, надо выбираться из подвала и заняться делами, Николя дю Жарден благополучно свалил.

Пока Гастон и Бруно вылезали через небольшую дверцу из подвала Демьян, подняв над головой свечу, решил ознакомиться с загадочным помещением под домом. Он внимательно осмотрел довольно пустое, если не считать колеса на железном шпиле, пространство — вокруг «ничего». Он выяснил, что помещение представляет собой окружность, а стены обшиты плотно подогнанными друг к другу почерневшими от времени досками.

«Похоже, прав был Гастон», — подумал он, — «сооружение очень древнее, возможно его соорудили еще во времена первой столицы кельтов Лютетии... Еще до рождества Христова», — он провел рукой по старым, дубовым доскам, чувствуя под пальцами небольшие углубления в виде линий.

Демьян как мог, осветил свечой стену и ахнул. Сначала он не понял, что за длинные ломаные линии, вырезаны в деревянной поверхности. А потом, окинув взглядом, часть стены, увидел — они представляют собой изгибы всех пяти материков земного шара.

— Ни хрена себе! — пробормотал он.

«Этого не может быть! Ведь эпоха Великих географических открытий еще только начинается!»

Он прошелся вдоль стены, с трудом узнавая в ломаных линиях очертания материков и знакомые ему по урокам географии местности. Но еще удивительней был знак рядом с этим полуостровом. Стилизованный рисунок, как говорили в его времени, иконка похожая на колесо от телеги.

— Вот это похоже на полуостров Флорида, — сказал он сам себе, — судя по перекрестью линий... Колесо находится на самом берегу. А там если мне не изменяет память расположился город порока Майами.

Он прошел еще несколько метров вдоль стены. Пригляделся.

— Хм, а здесь, возможно, находится или Москва, или Тверь, или Суздаль... или наш город. И тоже «колесо»....

«Что же это может означать? Может это порталы подобные нашему?»

Сверху раздался голос Бруно.

— Дема давай вылезай, тут странные непонятки!

Демьян с трудом переключил свое внимание на зов друга и отправился к лазу.

Вылезая из подвального входа, он заметил, что вокруг все как-то изменилось. Вещи также лежали на своих местах, как и прежде. Но выглядели довольно странно. Стол еще больше почернел и слегка покосился, став похожим на старого засыпающего коня, который клонясь во сне в сторону вот-вот упадет. Некоторые предметы немного разрушились и осыпались по краям. Дорогущие стеклянные реторты и банки, которые он самолично привез из Венеции, помутнели. В некоторых образовались небольшие трещинки, а медный перегонный куб местами потемнел и позеленел от окисления. Кожаные вещи скукожились и засохли. Он поднял свою дорожную сумку больше похожую на тонкий пласт асфальта, потянул клапан, и он, с хрустом старого пересушенного печенья на зубах, оторвался от своей второй части.

— Ребята что за чертовщина происходит? — Демьян стоял перед друзьями, с удивлением смотря то на них, то на свое прежнюю сумку.

— Вы парни хоть иногда убираетесь здесь?

Ответил вопросом на вопрос Гастон и показал на огромные клоки паутины на углах и слой пыли, добротнo накрывшей все вокруг.

— Да-а-а, я вроде бы, вот только недавно-о..., — протянул Демьян, пребывая в сильнейшем недоумении.

— Очень заметно, — съязвил Бруно.

У Демьяна возникло смутное подозрение насчет всего этого, но еще неуверенный в верности своих догадок молчал, удивленно поглядывая по сторонам и обозревая признаки сильного запустения.

— Та-а-к, я как олень бегал сегодня от дю Жардена и его солдат.... Я хочу, есть и пить, а у вас пусто, — сказал Гастон, взяв со стола большую деревянную тарелку, высыпал из нее на пол какой-то не то песок, не то прах, не то пыль.

Он махнул рукой Бруно.

— Идем мой друг, прогуляемся на рынок и немного потрясем крестьян, торговцев, погрузимся хорошей едой.

— А я-то тебе зачем? Рэкет ларьков с вареной репой и жареными кроликами это занятие не для меня.

— Затем, что постоишь на карауле, пока я буду с ними горячо торговаться, если они не проявят должной сговорчивости. Свистнешь мне в случае опасности.

Бруно немного побаивался Гастона, поэтому вздыхая на все лады, уступил ему и поплелся вслед за ним, но попутно решил выторговать себе некоторые преференции.

— Если, что любезный Гастон, я тебя не знаю, — он решительно ткнул указательным пальцем в его грудь, — я просто проходил мимо.

— Идет приятель, — усмехнулся Гастон, — ты только свистни и можешь сразу бежать.

У двери Бруно остановился и поднял небольшой клочок сложенной несколько раз пожелтевшей бумаги, скрепленный маленькой печатью.

— Кто стучится в дверь ко мне? С толстой сумкой на плече.... Дема тут какое-то письмо под дверь подбросили пока, мы в подвале колесо крутили.

Он протянул письмо Демьяну. Тот взял его повертел в руках и сразу же узнал почерк Изабелль.

Гастон открыл дверь, которая отворилась со страшным скрипом.

— Черт побери! — воскликнул он, — когда я последний раз сюда входил, ты не скрипела, как неласковая старуха! Вам надо хорошенько ее смазать, а то под ее скрип начнут выть все окрестные собаки Парижа.

неожиданно раздался «нервный» звон колокола, похоже звонарь, не жалея рук и своих ушей со всех сил наяривал, дергая за веревку, пытаясь привлечь чье-то внимание. Гастон остановился в дверях, прислушиваясь.

— Дьявол меня побери! Да что сегодня такое? Это колокол с церкви Сен Жермен Оксеруа. Звонарь, этот глухой забулдыга Петроний, так лупит в набат, что сдастся мне — горит добрая половина Парижа или в город снова пришла Черная Смерть.

— Гастон, приятель, может ну его, этот рынок? Видишь какая чрезвычайная ситуация в городе, — жалобно предложил Бруно.

— Нет, друг мой, — усмехнулся тот в ответ, — запомни самое лучшее время для вора и разбойника, война, когда люди беззащитны, пожар, когда люди заняты тушением своих жилищ и мор, когда люди бегут от чумы. В первом случае можно безнаказанно заниматься грабежом, во-втором случае, они оставляют вещи без присмотра, а в третьем, за вещами уже некому смотреть, всех прибрал к себе Создатель.

— Вот и я о том же, — сказал Бруно, — что, следуя твоей логике, можем оказаться в ситуации, когда не сможем эти вещи утащить, потому что сами умрем.

— Вы два лучших аптекаря во всем Париже! Чего нам бояться? Поставишь пару укусовых клизм и порядок. Давай, пошли приятель, иначе я точно умру от голода.

Он махнул Демьяну, который, не обращая на них внимания, развернул письмо и начал его читать.

«Мой возлюбленный господин.

Прошло много времени, прежде чем я решилась вам написать. Много лет назад я получила ваше письмо, что вы предали через польскую принцессу Агнес. Тогда я была счастлива, что Пресвятая Дева, услышала мои молитвы, не оставила нас и послала нам помощь в наших делах. Мое сердце наполнилось радостью от мысли, что она встала на защиту наших чувств, дав надежду на будущее. Но вы не пришли к стене, как было условлено и нам не суждено было исполнить наши намерения. ... Я орошала слезами землю у той стены, ожидая спасения, но все тщетно, я смирилась пред судьбой, приняв неизбежное. Богу было угодно, чтобы о наших намерениях стало известно матушке настоятельнице и королю. И он принял решение. Я не знаю причин, почему вы меня оставили и не могу судить вас за ту иллюзорную надежду, что вы мне дали, но не исполнили. Не печальтесь, мое сердце осталось полно любви к вам, как и прежде, надеюсь, как и ваше.

Через две недели меня выдали замуж за маршала Шарля де Амбуаза сеньора де Шомона, и он увез меня в свое имение Шомон сюр Луар в Турень. Мой муж очень добрый человек. Он приверженец одного справедливого учения, что проповедует один известный богослов из Швейцарии по имени Жан Кальвин и мой муж занимает видное место среди них. Здесь рядом с Ла Рошелем они объединились в союз для распространения своей веры. Я тоже раздумываю над принятием учения Кальвина, хотя еще не готова принять его всем сердцем, но мой муж так добр со мной что не настаивает на этом, предпочитая, чтобы я сама пришла к справедливости этой веры. Уже в Туре через одного стряпчего, что вел дела с торговцами из Парижа, мне стало известно, что вы бесследно исчезли. Подобно тому благородному рыцарю Люку Скайуокеру, когда он скрывался от страшного колдуна Черного рыцаря в пустыне Татуин. Возможно, какие-то чрезвычайно важные дела вас призвали обратно вашу далекую Московию, и вы оставили свою Изабелль. Я не сержусь на вас, как я уж сказала — я подчинилась судьбе.

Но я хочу, чтобы вы знали. После той единственной ночи с вами, мой возлюбленный господин, я уже через несколько дней носила под сердцем вашего ребенка. И вскоре родился сын. Но, к несчастью, король думает, что это его внебрачный сын и хочет забрать его. Именно по этой причине я решила написать вам письмо. Моя служанка подбросит его под вашу дверь, и я молю Господа, чтобы, когда вы вернетесь, нашли его и знали обо всем. В скором времени

мы вернемся в Париж по зову нового короля. И если Богу будет угодно, вы найдете своего сына чтобы увидеть его.

Прощайте.

Да хранит вас Господь и убережет преподобный Николай Чудотворец в ваших путешествиях. И пребудет с вами сила....

Ваша Изабелль.»

Демьян, чувствуя, как слабеют ноги, а к горлу подкатил ком, медленно подошел к стулу и сел на него. Письмо выпало из дрожащих рук. До него наконец-то дошло что случилось, пока они находились в подвале под домом. Почему все вещи вокруг вдруг постарели, и само помещение неожиданно пришло в крайнее запустение.

— Мама дорогая-я-я, — только и смог он сказать.

За дверью раздался какой-то громкий шум от невнятных криков, топот шагов. Она распахнулась словно от взрыва. Влетел насмерть перепуганный Бруно с вытаращенными от застывшего в них ужаса глазами, а за ним злой и решительный, как Сатана перед последним поединком с Создателем, Гастон, с рапирой в руке, с которой обильно стекала на пол свежая кровь.

— Братишка! — безумно заорал Бруно, — там полная жопа!!!

[1] Цистерцианце — ответвление францисканцев, отличающееся очень строгими правилами

Глава 3. Новые реалии, а проблемы старые.

— Чувак то, что там происходит это полная жопа! Я такого еще не видел в жизни.

Демьян под сильным напором его эмоций расстался с частью своих мыслей и поднял голову.

— Да это так, — согласился он, еще пребывая под впечатлением от прочитанного письма, — не знаю, что вы там увидели, но здесь тоже полная жопа, — грустно сказал он.

Бруно бросился к другу, словно подлетел к нему, не касаясь ногами пола и, схватив за плечи начал тормозить изо всех сил, словно хотел вытрясти его из одежды.

— Братишка ты не понял! Там, а не здесь! Надо валить отсюда, как можно скорее!

Гастон, запирая дверь на засов, поддержал его.

— Твой щедушный приятель говорит правду. В городе идет какая-то кровавая резня и она в самом разгаре. Сдается мне, что город захватили. Только ума не могу приложить кто. На солдат они мало похоже. Орава разбойников? Но откуда такая большая шайка? Я всех знаю....

— Ребята мы с вами перенесли немного вперед, в будущее, — отрешенно сказал Демьян. Гастон удивленно посмотрел на него, а Бруно покосился на Гастона.

— Вы о чем? Дьявол вас поберет..., — спросил тот.

Он стоял рядом и вытирал куском старой тряпки, которая раньше была симпатичным покрывалом на сундук, кровь с рапиры.

— Я потерял Изабелль, — пробормотал Демьян едва не плача, — она родила сына. Моего сына! А я даже не знаю где он и что сейчас с ним и ней.

Гастон, вытирашив глаза застыл, так и не очистив рапиру от крови до конца.

— Что ты несешь мой друг? Я только вчера передал ей письмо, и у нее даже намек не было на беременность, — он посмотрел на Бруно, ища у него поддержки, — какой сын? Друг мой в тебя вселились бесы безумия

Бруно снова начал тормозить Демьяна за плечи.

— Какая еще нахрен Изабелла? Чувак нас едва не зарезали! Там по улице шастают толпы разъяренных людей и убивают всех, кто им попадется под руку! Они увидели меня, и заорали как безумные. Вот проклятый гугенот! Смотрите он весь в черном! Ты не уйдешь от нас каналья! Они бросились на меня! Если бы не Гастон, который проткнул своей шпагой....

— Рапирой, — поправил Гастон, — что есть шпага?

— Да плевать! Хоть катаной.... Он уколол человек пять, и они отступили. Но к ним на помощь пришли еще несколько десятков! Мы едва унесли ноги!

— Гугеноты говоришь? — Демьян немного пришел в себя.

Он задумчиво посмотрел на своих друзей.

— Значит, мы примерно перенесли лет на пятьдесят или семьдесят. Как раз попали в замес Варфоломеевской ночи.

— Это не та ли ночь, когда во Франции убили много каких-то чуваков не согласных с католиками? — спросил Бруно.

— Да.

— Вы мне можете объяснить, что происходит, — Гастон откинул тряпку и продолжал держать рапиру наготове, так как снаружи нарастал, разноголосый шум, — о чем вы толкуете между собой?

Демьян решительно вскочил.

— Друг мой, некогда объяснять!

Он схватил его за руку.

— Верь мне! Вам сейчас нужно уходить.

Он подтащил Гастона к гобелену скрывающую выход в будущее.

— Красавчик! Вот другой разговор! — радостно прокомментировал его действия Бруно, — я больше не хочу лезть в этот подвал с колесом.

— Если бы вы идиоты, не крутили проклятое колесо, то сейчас мы не метались бы крысы на тонущем корабле!

Бруно уже, похоже, смекнул, откуда растут ноги у их новых проблем, но решил парировать обвинение.

— Ты, кстати, тоже приложил руку к этому.

Он повертел пальцем в воздухе, изображая вращающееся колесо.

— Весело покрутил колесико, так же, как и мы. Так что не гони....

Рядом вздохнул Гастон.

— Кто-нибудь расскажет мне что происходит?

Демьян открыл дверь в будущее.

— Некогда, друг мой. Бруно бери его и идите. Вернешься через пару тройку дней, как только все месилово уляжется. Или я сам приду, когда все закончится. Будет видно.... Мне нужно найти Изабелль, я думаю, она и мой сын в опасности.

Он подтолкнул Гастона к Бруно.

— Бруно присмотри за ним. Отвечаешь головой.

— Да кто такая эта Изабелль?! А-а-а, ты завел себе здесь бабенку, а я не знал? Но ты еще при этом имел наглость упрекать меня, — спросил он.

Демьян указал пальцем на Гастона.

— Он по дороге все объяснит.

Но Гастон остановился.

— Я не могу тебя оставить, мой друг, мы станем с плечом к плечу и, сражаясь, найдем достойную благородную смерть.

— Чур, только я в вашем героическом предприятии не участвую, — вставил Бруно, — но его можно оставить здесь, — Бруно указал на Гастона, — ты сам говорил эффект бабочки и все такое. Нечего ему делать в двадцать первом веке.

— Ты можешь бежать, тщедушная мокрица, через секретный выход, бросая друзей и спасая свою дешевую шкуру, — кивнул Гастон.

— Нет! — рявкнул Демьян, — это совсем не секретный выход....

Он, теряя, терпение, толкнул их обоих к выходу.

— Валите, черт побери! Вас уже запалили! Ты завалил несколько человек из кучки погромщиков. Меня они, наоборот не видели и не знают. Я найду выход из ситуации. А вы, если останетесь, только осложните все и погубите нас всех. Пошли уже, черт вас побери! — завопил он, слыша, как шум снаружи нарастает.

— Делать нечего.... Спасение рядового Гастона, — раздосадовано констатировал Бруно и, схватив его за рукав, потащил за собой.

Они шагнули в темноту портала и исчезли.

«Так думай Демьян, думай!», — он, оставшись один начал лихорадочно соображать.

Не теряя не секунды, он взбежал по лестнице на второй этаж. Нацепил рапиру, подарок Гастона. Он подарил ее после того страшного поединка с Семой Молотком и пару раз в неделю давал ему уроки фехтования. Не сказать, что Демьян научился профессионально орудовать этим смертоносным оружием, но от какого-нибудь грабителя, дилетанта фехтовальщика с парижских улиц защититься, чередуя уклоны от острия и выпады, с грехом пополам мог. Что у него получалось лучше всего, это спасительное бегство. Конечно, немного позорный поступок, но зато разумный.

«Так еще что?! Думай Демьян! Думай.... Ага вот!».

Он оторвал от рубашки левый рукав.

«Спасибо Петр Вениаминович, что вдалбливали в нас историю средневековья и за то, что ваши лекции были самыми интересными!», — поблагодарил Демьян своего преподавателя Истории Средних Веков из университета.

«Вот еще...!»

Он вспомнил известную картину Карла Гуна из Государственного русского музея «Варфоломеевская ночь». Пошарил в сундуке и достал аптечку. Большая часть предметов в ней пришли в негодность, но моток лейкопластыря еще годился. Он оторвал две полоски и прилепил к своему берету в виде белого креста.

«Ну, вот вроде и все, дальше буду импровизировать».

Он как раз вовремя закончил свои приготовления, так как внизу раздался стук в дверь — ее явно пытались выбить силой.

«За короткое время уже в который раз пытаются вынести эту несчастную дверь», — подумал Демьян, переключаясь с одной мысли на другую, — «я должен найти Изабелль и сына, если они еще живы».

Внизу усилился грохот выбиваемой двери.

«Ну, Господи помоги!», — взмолился он.

В аптеку ворвались с десяток человек, но оглядевшись, они поняли здесь убивать некого.

— Да и брать не чего, — разочарованно рявкнул здоровяк в фартуке мясника вооруженный большим крюком, — хотя, стоит пошарить в комнатах наверху, но возможно дом пустой, никто не живет.

— Как это никто не живет?! — весело воскликнул Демьян, спускаясь по лестнице, — я здесь живу!

Толпа убийц немного отпрянула назад от неожиданности.

— Ребята-а, как я вас рад видеть! — громко сказал Демьян, — очень хорошо, что вы зашли за мной, а то вот думаю, придется мне одному идти, без веселой компании, резать проклятых гугенотов.

Мародеры застыли в нерешительности.

«Так сука, инициатива на моей стороне», — подумал Демьян, все же держа рапиру в руке наготове и аккуратно бочком спускаясь с лестницы так, чтобы в случае смертельной угрозы, можно было прыгнуть в портал, закрытый лишь одним гобеленом — черт с этим «эффектом бабочки», жизнь дороже.

Здоровяк в фартуке мясника, наверное, являлся стихийно выбранным предводителем всей шайки.

— Кто-нибудь, знает его? — спросил он оглядываясь.

Демьян понял, настал чрезвычайно критический момент. Он вдруг почувствовал невероятный азарт, вызванный экстремальной ситуацией, то, чего ему давно не хватало.

Он быстро оглядел погромщиков, стоявших перед ним. Среди них он увидел одного типа с весьма пропитым лицом. Видать самый записной пьянчуга во всей округе. Демьян уверенно шагнул к нему и обнял.

— Хорошо, что ты парням подсказал захватить меня с на веселую резню проклятых еретиков! Да-а славно, мы с тобой, напились пару дней назад! Помнишь, аха-ха... Кстати благодарю, что заплатил за мою выпивку. Как говорить долги друзьям надо возвращать!

Демьян сунул ему в испачканную кровью и грязью ладонь мелкую серебряную монету.

— Спасибо друг! Благодаря тебе моя глотка не пересохла.

Он оглядел всех смеющимся взглядом, одновременно чувствуя, как у самого трясутся поджилки.

— Жак, ты знаешь его? — не унимался здоровяк с крюком.

Тот задумчиво посмотрел на Демьяна, моргая глупыми глазами и ощущая легкую приятную тяжесть серебряной монетки, которую можно славно пропить, сказал.

— Да-а... Кажется..., — протянул он, — Мы с ним хорошенько набрались в Благочестивой Девице.... Кажется.... Тебя же зовут....

— Эх, Жак! Приятель тогда ты так надрался, что мое имя не мог выговорить.... Де-мь-ян Са-а-дко. Я приехал из далекой Московии, бежал от тамошних проклятых гугенотов, будь они неладны. Помнишь, я тебя песне научил про Демьяна. Про гонки на телегах! У нас в Московии очень любят гонять на телегах! Давай вспомни друг.

Демьян обнял его за плечи и раскачиваясь с ним вместе в такт и запел.

Но один ездук Демьян в тот вечер был смертельно пьян,
И посреди дороги его сон дикий обуял.
Упал с телеги он, а остальным чтобы его не сбить
Пришлось коней в разны стороны поворотить.

Влетели кони прямо в зевак толпу,
А убежать тем было некуда, забор высокий был вокруг!
Людская паника тотчас коням передалась,
В испуге начали они давить всех, втоптывать в грязь!

Крики, стоны, вопли, некуда деваться!
Брызги, ведра крови красят землю в красный!
Тут и там копыта с чьими-то кишками!
Десятки тел убитых валяются брусками!

И все умерли,
Окромя Демьяна,
Который продолжал валяться там же пьяный.[1]

— Эх! И тут ты упал мордой на стол и захрапел.

Несчастный Жак стоял, натужно пытаясь вспомнить, но мозг, отравленный алкоголем, получив такой мощный запрос на воспоминания, что отказывался отвечать, поэтому он молчал как рыба.

— Ты меня отбил от моей женушки, этой проклятой ведьмы? — ни с того ни сего жалобно спросил он.

— Я-а, — коротко ответил Демьян, радушно улыбаясь и раскинул в стороны руки, как Христос при входе во врата Иерусалима.

— Да! Я знаю его! — радостно завопил Жак, — моя женушка пришла, словно богопротивный Сатана из ада, чтобы утащить домой, а мой друг, вот этот, как там тебя, Демьян с телеги, отбил меня от нее.

Демьян чуть отступил назад и общим взором окинул стоящих перед ним людей. Есть такой навык, например, у учителей из школ, диспетчеров или спортсменов игровых видов спорта — видеть одним взглядом всю ситуацию в целом. А его ситуация, говорила, что его приняли за «своего», только, кажется, этот мясник, как назвал про себя здоровяка Демьян, испытывал еще какие-то сомнения.

— Ну что парни, надо двигать! — сказал Демьян, закрепляя свой успех, — как говорится, гугеноты сами себя резать не будут!

В толпе раздался довольный смех.

— И пока мы стоим здесь, признавая своих друзей, другие, более шустрые католики, разграбят самых богатых гугенотов и именно они, — он «тыкнул» пальцем сторону мясника и его друзей, — а не мы с вами совершат при этом самое богоугодное дело, выпуская им кишки.

Это были самые весомые аргументы — обогатится с помощью грабежа и при этом еще совершить богоугодное дело.

Толпа одобрительно загалдела и, развернувшись, вышла на улицу продолжать убийства и грабежи.

«Фу-ух...», - вздохнул про себя Демьян, - «кажется, вырулил. Теперь надо найти Изабелль».

Когда рассматриваешь гравюры или картины, посвященные Варфоломеевской ночи, взглядом обывателя или даже исследователя из будущего, трудно представить, как разворачивались ужасные события на самом деле. На картинках кровь лишь пятна краски а, на лицах людей художник чаще всего изображает две эмоции страх жертвы или радость убийцы. Иногда трудно разобрать, что перед нами, улыбка это или крик. Люди на гравюрах застыли, не двигаясь, словно часть восточного театра из бумаги ваянг. Лучше дела обстоят с живописными полотнами. Мастерство художника способно передать накал эмоций и весь неподдельный трагизм истории Варфоломеевской ночи. Но главный недостаток любого изображения - он немой и беззвучный.

Едва Демьян вышел с шайкой погромщиков на улицу, как окунулся в нескончаемый поток душераздирающих воплей и мольбы о пощаде. Кричали женщины, дети, мужчины. Убийцы, ослепленные религиозной яростью, не видели разницы между возрастом и полом. Они выбрасывали из окон окровавленные тела детей, а потом убивали их матерей, которые призывая в защиту Господа, тянули руки вслед за своими мертвыми чадами. Убийцы стояли сзади и били ножами в спину, разбивали молотками и камнями головы, и также выбрасывали их из окон, сопровождая свое преступление злорадным торжествующим хохотом. Люди потеряли человеческий облик и разум, совершая поступки, на которые, думали они ранее, не способны. Молодые девушки, обезумев от страха, визжали, подвергаясь разнузданному насилию со стороны людей еще вчера стоявших в церкви и трепетно преклоненных перед целомудрием Святых Дев. А сейчас, они, снедаемые грязной похотью, творили самые ужасные вещи. Почтенные отцы семейств, нежно любящие своих дочерей, рвали на несчастных девушках одежды и наваливаясь на обезумевших от страха дочерей, сестер, молодых жен гугенотов, насиловали, а потом жестоко и беспощадно убивали. Стариков вытаскивали из постелей и забивали дубинами круша кости и черепа. Бесцеремонно переворачивали сундуки в поиске поживы и тут же призывали Господа в свидетели, что они теперь имеют право на имущество человека, которого только, что жестоко убили. Тех мужчин кто отважился встать на защиту своей семьи, сминали, нападая разъяренной толпой, и почти разрывали на части, коля тело мечами, рапирами, ножами, заостренными палками и всем что подвернется под руку. Гугенотов бессовестно грабили, вешали, резали, жгли, пытали, насиловали, вспарывали животы, таскали, одев веревочную петлю на шею по улице, или тела выставляли на показ, вывешивая их из окон, забивали палками, стреляли в них из аркебуз или били прикладами, топили в реке, куда сбрасывали и живых и мертвых - все это делалось во имя милосердного Господа.

Демьян шел по улицам ночного Парижа, освещенного только полной Луной и мечущимися горящими факелами в руках убийц, желто-оранжевый свет которых выхватывал из темноты кошмарные картины, где беспомощно металась жертвы, преследуемые убийцами. Он почувствовал, как у него онемели руки, и пошел «мороз по коже». Несколько раз Демьян останавливался и, закрыв глаза, глубоко вздыхал, потому что тошнота накатывала, сдавливая горло. Он смотрел широко открытыми глазами на трагические события, молясь лишь об одном, чтобы в этой безумной кровавой вакханалии Изабелль каким-нибудь чудом уцелела.

Демьян всегда чуждался религии, а фанатиков он не любил подавно. Но видя беспощадное избиение гугенотов, он не сомневался, будь их большинство и находясь они на месте католиков, то поступили таким же образом. Ведь многих городах, на западе страны, где последо-

вателей Кальвина и Лютера было больше, они не гнушались тем же, убивали монахов, жгли церкви, избивали и подвергали насилию католиков. Он как мог, абстрагировался от разверзшегося вокруг ада и решил сосредоточиться лишь на своей цели, а не пытаться кого-то спасти или помешать своим спутникам, творить все эти ужасные вещи.

В одном из домов шайка, к которой примкнул Демьян, встретила неожиданное стойкое сопротивление. Глава семейства с тремя взрослыми сыновьями и с двумя подмастерьями сначала выстрелили из аркебузы, смертельно ранив одного из погромщиков. А когда дверь, более многочисленные нападающие все же выбили, и погромщики ворвались во внутренний дворик, они бесстрашно вышли на защиту своего дома, вооружившись, рапирами, дубинами, мясными крюками и железными вертелами.

- Что Делье, не нравится?! - заорал предводитель шайки, которого Демьян называл про себя не иначе, как мясник, - я знаю, что ты проклятый гугенот! И вот сейчас мы с тобой поквитаемся за все! Ты пытался мерзкий еретик разорить меня своими ценами, но Господь все же на моей стороне.... Давай парни, разворошим и предадим огню это змеиное гнездо! Берите все что хотите, это не грех взять имущество богомерзкого еретика, так хочет Бог!

«М-д-а, наш мясник решил под шумок уничтожить своего конкурента и разжиться его имуществом», - подумал Демьян.

И пока образовалась небольшая неразбериха, он оттащил в сторону своего мнимого «приятеля по кабаку».

- Слушай Жак, - сказал он ему, - тут вот какое дело.... Ты хорошо Париж знаешь?

Жак нахмурился, но ответил, искоса поглядывая на действия своих друзей погромщиков.

- Я всю жизнь проработал водовозом, - гордо сказал он, - я знаю каждую улицу и каждый дом на несколько лье вокруг.

- Отлично друг! - прошептал Демьян, - знаешь, где дом маршала Шарля де Амбуаза сеньора де Шомона?

- Знаю. А тебе то зачем? - Жак видимо уже смекнул «кое-что» и хитро посмотрел на него.

Демьян еще дальше оттащил его и, обняв за шею, жарко зашептал ему в ухо.

- Посуди сам, тут начинается серьезная заварушка. Многие из наших полягут, с дырками в животе, сражаясь, так как эти мясники оказали сильное сопротивление. А может быть и мы с тобой. Но мы же пришли сюда не подохнуть? Правильно? Мы просто хотим немного разжиться имуществом проклятых еретиков и от души повеселиться.

Жак попытался что-то сказать, но Демьян силой удержал его за шею и продолжил.

- Вон смотри, одного из наших достойных друзей пристрелили, - он указал на мертвого погромщика, лежавшего в стороне, - потому, что эти мясники очень хорошо вооружились, и сдаваться не хотят. Черт его знает, какие у них еще фокусы приготовлены! И вообще у них имеются личные счета с нашим предводителем здоровяком. Пусть он сам с ними разбирается. Да и думаю, парни поднатужатся, помогут ему и без нас справиться. А у меня есть одна верная инфа.... В том доме у этого бывшего маршала гугенота богатств выше головы и никого из охраны нет! Кроме старика, молодой девки и сопливого пацана. Смекаешь? Я тебе говорю дело верное! Быстренько, без лишнего шума и пыли прикончим деда. Повеселимся всласть с девкой. Обещаю, ты будешь первый! А сопляка, можно убить или если что, выгодно продать арабам. Давай, пока здесь все затормозилось, вдвоем, ты и я, сгоняем туда и все будет наше! Мы вот так просто без усилий будем богаты! А уже потом со спокойной душой поможем нашим парням. Ну как?!

Жак окончательно одурел от горячей тирады Демьяна и, сделав серьезное лицо кивнул.

- Двигаем, - тихо сказал он и они с Демьяном «нырнули в темноту» кровавой Варфоломеевской ночи.

[1] Взято отсюда - <http://teksti-pesenok.ru/50/Wolf-Rahm/tekst-pesni-Skaz-pro-Demyana>

Глава 4. Дорогая это я.... Твой котик.

Жак водовоз действительно хорошо знал Париж. Он, несмотря на темень, вел с уверенностью кошки, вышедшей на ночную охоту. Но возникли некоторые трудности. Ночь выдалась душной и жаркой и, пока они, петляли запутанным маршрутом по узким улицам в поисках пути на противоположный берег Сены, оба взмокли. К тому же они, постоянно пересекались с другими группами погромщиков — Варфоломеевская резня набирала обороты, неизбежно подбираясь к кровавому апогею и католиков желающих обогатиться за счет грабежа и убийства становилось больше. Дважды, опьяневшие от безнаказанности и насилия погромщики, встреченные на пути, едва не пустили их «в расход», ошибочно приняв за гугенотов. Но благодаря подвешенному языку Демьяна и самому Жаку, которого многие знали, как водовоза добропорядочного католика, они благополучно минули все препятствия и оказались перед домом маршала.

Удивительно, но в этой части города было относительно спокойно.

«По какой-то причине, возможно, сюда еще не докатился вал кровавой расправы», — подумал Демьян.

Он не имел четкого плана, которого следовало придерживаться, больше рассчитывая действовать, импровизируя на ходу, и так же надеялся на удачу и свою изворотливость.

— Приятель здесь удивительно тихо, — он поделился мыслями со спутником.

Жак в ответ указал на высокие темные силуэты, где несколькими точками тускло, светились окна.

— Королевский дворец близко, — пояснил он, — но я думаю, приятель, через пару часов здесь будет также жарко, как и там, где мы с тобой были.

«Хм, тогда надо шевелиться», — мысленно подогнал себя Демьян.

Он окинул взглядом местность. Если брать во внимание соображения Жака и придется выходить из дома именно здесь, то есть возможность оказаться прямо в лапах погромщиков, ведь, по его словам, те, как раз подтянутся сюда. Да и в любом случае отходить в том направлении, откуда они пришли опасно.

— Обожди, чутка, — попросил он, — я сейчас.

Демьян прошел немного вдоль стены дома, до угла.

«Отлично!», — обрадовался он.

За углом, находилась небольшая, хорошо освещенная полной Луной, пристань, с выходом к реке, у которой покачивались несколько лодок, привязанные к колышкам.

«В случае чего можно будет сбежать, сплавившись по речке».

Он, быстро, оглядываясь по сторонам и периодически спотыкаясь в темноте, пробежал к небольшой пристани.

Вокруг никого.

«Все заняты избиением и грабежом гугенотов. Ну и хор-р-ошо!», — думал Демьян, отвязывая «лишние» лодки и толкая их по течению Сены.

Одну он оставил для бегства.

«Замечательно, молодец Демьян», — мысленно похвалил он себя.

Раз уж оказался у реки — Демьян наклонился к воде и, зачерпнув ее ладонями, умылся, обильно поливая голову прохладной речной влагой.

— Фух-х, хорошо....

Отирая от воды лицо, он заметил, что она имела странную липковатость не свойственную ей.

«Что такое водой-то? Черт бы побрал эту духоту!», — подумал он, но закончить свою мысль не успел.

Перед его взором, чуть притоленный, проплыл мертвец. Демьян вскочил и посмотрел на поверхность воды, по поверхности реки, медленно плыли, как бревна на лесосплаве, сотни тел убитых людей. Он смотрел на их белые лица, которые в отсветах Луны становились похожими на блестящие фарфоровые маски, и ошутил, как бегут мурашки по спине.

— Мама, дорогая..., — прошептал Демьян, холодея от ужаса и возвращаясь в действительность.

Он вытянул руки и в слабых лучах ночного светила увидел, что его ладони в странных темных разводах.

«О Господи! Это же кровь!», — ужаснулся Демьян, — «надо валить!»

Вернувшись к своему спутнику, он обнаружил, что тот пытается выбить дверь плечом. Но будучи под парами алкоголя, промахивался мимо двери и попадал в стену.

— Ты чего творишь идиот? Ты куда так торопишься? Как голый мужик в постель к бесплатной проститутке? — прошипел Демьян, оттаскивая его в сторону, — разворошишь все осиное гнездо проклятых гугенотов. И придется драться!

— Мы им всем кишки выпустим! — храбрился Жак, — тем более, ты же сказал там старый дед, девка и сопьяк.

— Да, приятель все так, — успокоил его Демьян, — но нам лишний шум не нужен. Если мы привлечем к себе внимание, придется делиться с конкурентами. А ты ведь не хочешь отдавать лакомый кусок? Я тебя правильно понимаю? Ведь все должно достаться нам, — он притворно развел руками, — нет, конечно, если ты хочешь по-христиански поделиться с бездельниками, то вопросов нет.

Жак, униженный вескими доводами приятеля, примолк.

— Хорошо, что мы поняли друг друга, — Демьян понимающе похлопал его по плечу и сам попробовал легонько ударить дверь плечом.

Как он и ожидал, она не поддалась — крепкий дуб, укрепленный полосами железа и клепками. Вещь, конечно, дорогая, но оправдывает себя — выбить ее даже хорошим тараном будет сложно.

«Хрен тебе», — разочарованно подумал он, — «но надо как-то проникнуть в дом и желательно при этом Жака водовоза оставить снаружи».

Демьян отошёл и посмотрел на дом со стороны. В паре метров над землей чернело небольшое окно. Он прикинул, что если подставить что-нибудь полутораметровое, встать и подпрыгнуть, то вполне можно подтянуться на руках и попытаться влезть в окно.

«Узковато конечно, но попробовать стоит», — подумал он, рассматривая темный проем небольшого оконца.

Он решил подставить к стене своего спутника.

— Иди сюда Жак, — позвал он его, — ты парень крепкий, вставай к стене, я заберусь тебе на плечи и влезу в окно. Потом отопру дверь, и мы возьмем себе все, что причитается.

Но бывший водовоз подозрительно уставился на него, сверкая в темноте глазами. Демьян вздохнул.

— Ты чего? Думаешь, я тебя хочу обмануть? Друг, ты чего?! Мы с тобой столько выпили, и я даже отдал тебе деньги за выпивку. Разве может обмануть друг, который возвращает деньги за выпитое бухло?

— Нет..., — сконфуженно пролепетал пристыженный Жак.

— Вот то-то и оно! Такие друзья самые настоящие, верные и надежные. Давай, упираться руками в стену и ноги пошире поставь.

Тот занял место у стены, словно его поставил к ней ОМОН из будущего.

Демьян взобрался на плечи кряхтящего Жака и, оттолкнувшись посильнее ногами, подпрыгнул. Его руки оказались чуть выше подоконника. Он уцепился и с трудом подтянулся,

потом ткнул рукой в окно, створка дружелюбно отворилась. Снизу раздалась возня упавшего Жака и его грязная ругань.

— Ты чего, твою мать, прыгаешь на мне! Аж кости захрустели.

— Прости приятель, — прохрипел, подтягиваясь, Демьян, — так вышло...

«Отлично все складывается, как нельзя лучше...», — он, пыхтя, давясь пылью и мотая головой чтобы, избавиться от капель пота, что затекали в глаза, выбросил руку и зацепился за подоконник с той стороны, задев локтем предмет, стоящий рядом.

Им оказался небольшой глиняный горшок с цветком, который он не разглядел в темноте.

«Прости, приятель тебе вниз...», — он, недолго думая смахнул его локтем.

Раздался звук расколотой сухой глины и сдавленный вопль Жака.

— Ты живой? — поинтересовался Демьян

Снизу послышалось мычание, и Жак нетвердым голосом что-то ответил, при этом грязно обозвав Пресвятую Деву Марию. Ясно — его товарищ немного оглушен, но живой.

Демьян чуть передохнул и, напрягаясь изо всех сил, втянул тело в окно. Уже почти половина оказалась в темной комнате, как вдруг он понял, что все его потуги пролезть дальше тщетны.

— Что за херня?! — отчаянно прошептал он.

Он до хруста в суставах потянулся, пытаясь втянуть тело, но ничего не вышло. Что-то мешало и что-то не пускало. Кое-как, изловчившись, он просунул руку назад и понял, что весь ход застопорился из-за вставшей поперек оконного проема рапиры.

— Черт, Жак я немного застрял.

Но тот не собирался ему сочувствовать.

— Ты чего мешкаешь приятель? Задницу решил почесать, пока лезешь? Мы здесь суе-тимся, уже целую вечность.... И еще ничего не добились. Зато ты, прыгая на мне, едва все кости не переломал и чуть не убил горшком с цветком, — раздался снизу голос подельника, — может, лучше, позовем в помощь ребят?

— Стой, где стоишь! Подожди, чутка! — «отмахнулся» от него Демьян, — я скоро.

Отработав телом назад, он смог сдвинуть рапиру, свесить ее вдоль ноги. Потом вытащил из ножен, протянул вперед в окно, еще чуть-чуть пальцами, эфес коснулся подбородка, но локоть руки, которой он ее держал, уперся в каменную кладку, как хорошая надежная распорка. Плюс все его маневры под названием «туда-сюда» собрали камзол и льняную рубаху в ком чуть ниже груди. Еще пара безрезультатных движений и Демьян понял — он окончательно застрял в окне. Единственный выход только вперед, но при единственном условии, если кто-то дернет его аккуратно за руку и освободит застрявший локоть, при этом сначала вытащит из-под его тела рапиру, а потом потянет его за шиворот помогая ему преодолеть определенную точку центра тяжести.

— Все хана! — проскулил он и обреченно опустил голову.

Он в очередной раз попытался дернуться телом, но только сделал хуже. Локоть еще больше застрял и начала терять чувствительность, что говорило о том, что конечность начала затекать. Его ситуация усугубилась тем, что где-то в темноте раздались пошаркивающие шаги и заиграли тусклые отблески свечи, которую несли в руке, видимо производимый им шум привлек внимание — не так он рассчитывал появиться перед обитателями дома.

— Жак! Жак! — жалобно позвал его Демьян, — попробуй толкнуть меня вперед.

— Как? — спросил его Жак.

— Да, черт побери, толкни руками.

— Но я не достаю, — ответил тот.

— Придумай же что-нибудь тупая твоя башка! — уже не боясь быть обнаруженным, заорал Демьян.

Шаркающие шаги приближались.

— Я попробую толкнуть тебя палкой, — неуверенно предложил его спутник.

— Давай быстрее! Толкай!

Он почувствовал, как в его ступню уперлось нечто, и Жак надавил. Демьян старался ему помочь, делая попытки извиваться телом. Нога завибрировала, сорвалась, и Демьян получил сильный прицельный удар концом палки в промежность.

— Сука..., — давясь от боли, простонал он.

— Ты в порядке приятель? — участливо спросил Жак.

Демьян ничего не успел ответить, так как перед его лицом возникла яркая свеча и старушечье лицо.

— Кто вы месье? — проскрипела она.

— Простите мадам, — сказал в ответ Демьян, — к сожалению у вас было закрыто. Я вежливо постучал, но никто не открыл и вот видите, пришлось лезть в окно.

— Ты с кем там болтаешь? — спросил Жак.

— Нас обнаружили, — обреченно ответил ему Демьян.

Жак водовоз, будучи беспросветно глупым человеком все же сообразил, что ситуация принимает неправильный оборот и в итоге они могут лишиться законной добычи.

— Держись приятель и никуда не уходи! Я за ребятами!

За спиной раздался топот затихающих шагов — Жак ушел позвать мясника и всю кровавую шайку.

— Мать твою..., — обреченно прошептал Демьян.

— Что вы сказали сеньор? — проскрипела в ответ старуха.

— Ничего мадам, — буркнул он, — Вы не могли бы мне помочь? У нас с вами очень мало времени. Прошу вас, потяните меня за правую руку. Но сначала, будьте так любезны, вытащите рапиру из—под меня.

Старуха, близоруко щурясь и держа над головой свечу, приблизилась, и осторожно ухватившись за эфес, вытянула ее.

— Благодарю мадам, отлично, а теперь руку и знаете, что, если вам не трудно.... Как бы это вам сказать.... Если, конечно, у вас есть силы, тащите меня за шиворот.

Но вместо помощи он вдруг ощутил на лбу холод и острие рапиры. Он поднял голову, и острие клинка уперлось ему прямо в горло.

— Бабушка вы чего творите? — жалобно пролепетал Демьян.

— Кто вы сеньор? — жестко спросила она, — Если вы думаете, что перед вами выжившая из ума старуха, то вы сильно ошибаетесь. Я слышала, что творится в городе! Вероломные Гизы вынудили нашего короля и достойнейшую королеву мать выступить против преданных им друзей Конде! Все мои служанки сбежали! Но поверьте, я могу постоять за себя!

— Мадам, я понимаю, и я с вами тысячу раз согласен, что вот так заходить к женщине не совсем прилично....

— Я не первый день на земле, — перебила она его, — мои кавалеры именно так ко мне и заходили, но вы похоже не из их числа. Вы просто бандит Гизов жаждущий крови гугенотов!

— Прослушай меня старая ведьма! — отчаянно закричал Демьян, — у нас нет времени вдаваться в политические споры, я пришел спасти девушку, маленького мальчика и, если получится какого-то старого деда. Так что давай, помогай мне, иначе сейчас сюда придут настоящие погромщики!

— Нет тут никаких девушек и детей! — жестко ответила она, и острие рапиры еще сильнее уперлось в горло Демьяна.

«Проклятый водовоз, похоже, что-то напутал, мерзавец! Надо что-то делать, иначе эта ведьма меня прирежет прямо здесь в окне!»

— Вы проклятый идолопоклонник католик! Признайтесь вы пришли меня убить! Я дам вам время покаяться и вы, тогда после смерти, предстанете перед Господом с чистой душой, — продолжала тем временем старуха, давя трясущейся рукой на эфес рапиры.

Кончик ее довольно опасно натянул кожу на горле.

— Да никакой я твою мать не католик, — просипел он, и, собрав силы, закричал, — дура, я такой же, как и ты гугенот!

— Хе-хе.... Парни, вот крыса себя и показала, — раздался до боли знакомый и от этого еще более мерзкий голос мясника, — это гугенотик, который, чтобы остаться в живых, прикинулся добрым католиком. Мне ты сразу показался подозрительным, прислужник сатаны.

«Оп-ля... Вот звероящеры подоспели...», — Демьян понял, что нельзя терять ни минуты.

— Парни, ну наконец-то! Я вас заждался. Видите, как получилось? Немного застрял. Хотели с Жаком вам сюрприз сделать. Зачистить дом гугенотов, а потом пригласить вас, своих друзей, разделить добычу. И знайте, я такой же добрый католик, как вы!

Но тут, он почувствовал, как на шее потекла теплая струйка крови.

— Проклятый католик, — прошипела старуха, надавливая на рапиру.

— Мадам, мадам, — запротестовал Демьян, — смилуйтесь! Я не католик, я хороший гугенот, как и вы! Просто поймите, что если я скажу обратное, то злобные католики внизу меня просто не поймут.

— Так ты католик или гугенот? — засмеялся мясник и его поддержал злорадный хохот его товарищей, который не предвещал ничего хорошего.

Демьян вдруг вспомнил судьбу несчастного отца Планше, слуги Д'Артаньяна, который в лесу грабил католиков прикидываясь гугенотом и тут же грабил гугенотов прикидываясь католиком. И как ему не повезло, когда его встретили одновременно и гугенот и католик — его повесили тут же на дереве.

— Ребята, если я скажу, что католик эта старая ведьма меня прирежет! — попробовал он, — поймите меня!

— И тогда ты умрешь, как правильный христианин, — сказал кто-то из католиков внизу под стеной.

И кто-то же из них швырнул в его торчащий зад увесистый камень. Потом полетело еще несколько.

«Плохи дела!», — подумал, постанывая от боли Демьян, и отчаянно искал выход из опасной ситуации.

— Стой парни! — весело закричал мясник, — У меня есть мысль лучше! Давайте поджарим ему пятки.

Раздался одобрительный гул голосов.

— Мадам! — взмолился Демьян, — прошу вас, помогите мне! Мне сейчас сожгут ноги!

— Пока они тебя будут поджаривать снизу, я проткну тебя, как цыпленка вертелом! — засмеялась старуха.

— Отличная идея старая ведьма! — одобрил ее высказывание мясник.

Демьян ощутил на ногах горячее пламя факела и инстинктивно стал дергать ногами, это сильно развеселило его мучителей. Старуха, держа острие рапиры у его горла, равнодушно наблюдала за его мучениями. Пламя нестерпимо жгло ноги. Он, извиваясь всем телом, попытался дергаться из стороны в сторону и старался сохранить трезвость ума, чтобы не сорваться в неконтролируемую истерику.

— О... Господи..., — завизжал он.

— Ты какого Бога зовешь проклятый еретик? — участливо спросил мясник под довольный хохот толпы снизу.

— А ну! Давай Демьян, — подбадривал он себя, чувствуя, как что еще немного, и он окончательно потеряет контроль над собой, — Крутись Демьян! Давай банза-а-ай! А ну-ка если упереться коленями в стену... Да прибудет с тобою сила!

Тут старуха приблизила свечу к его лицу и заинтересованно спросила.

— Что вы сказали месье?

— Отвали от меня старая ведьма! — Демьян всеми силами пытался отбиться от факела ногами.

— Что вы сказали сеньор? — переспросила старуха.

Демьян, на мгновение посмотрел в ее серые глаза, поддёрнутые старческими пленками катаракты на глазах, и удивленно выдохнул.

— Изабелль!?

— Кто вы сеньор?

— Я Демьян Садко! — завопил он в ответ.

— Ну, вот и все что нужно знать, ребята! — деловито констатировал внизу мясник, — гугеноты нашли друг друга. Вот что огонь божий творит, вся истина выходит наружу.

Старуха еще больше приблизила свое лицо к нему.

— Вы очень похожи на человека, которого я любила в молодости, — задумчиво сказала она, разглядывая его лицо.

— Да это и есть я! Я Демьян! — он отчаянно брыкался ногами от горящего факела и кивал ей головой, словно китайский болванчик.

— Но ты такой молодой и совсем не изменился, — она подозрительно смотрела на него, — Как такое возможно?!

Она отпрянула от него.

— Ты пил кровь девственниц?! Ты чернокнижник?

— Ого! Парни мало того, что он то гугенот, то пытается представиться добрым католиком, так он еще и колдун! — закричал мясник внизу, — такой поворот удачи даже я не ожидал!

«Вот дура старая!», — Демьян мысленно проклинал этот пространственно-временной портал, который ввел его в заблуждение.

Но эту «неувязочку» нужно было решать и причем очень быстро.

— Мадам Изабелль, я сын Демьяна Садко. Мой отец рассказывал о вас! Он любил вас всю жизнь! И его последние слова были о вас! Неужели вы не поможете его сыну?!

— Вот парни у этих гугенотов теперь уже и любовь, — ехидно прокомментировал мясник, — а ты простофиля Жак, думал, что каждый пьющий с тобой пьяница добрый католик! Дурак!

— Мадам Изабель я пришел вас спасти. Как Люк Скайвокер спасал Лею от Черного рыцаря!

— Да, да конечно..., — Изабелль уцепилась за его руку, потащила на себя.

Она ее вытянула, но та, затекшая, упала, как плеть. Ноги нестерпимо жгло словно он наступил в жаровню с углями. Сил терпеть уже не осталось.

— Изабелль прошу, тащи меня за шиворот, я сам не смогу!

Старуха, кряхтя и стеноя, потащила его что было сил.

— Парни! Гугенотик сбегает от нас! — завопил возмущенный мясник.

Внизу началась суматоха и непонятная возня. Демьяна били палками по ногам, кидали камни, но все же он через несколько мгновений, с помощью Изабелль, он протаскил свое тело сквозь узкое окно и ввалился в полутемную комнату. От обуви шел горячий пар.

«Вот тебе и испанский сапожок!», — Демьян скинул ее с ног трясущейся рукой и, пристав, заплясал на прохладном полу.

Откуда-то снизу послышались глухие, но сильные удары в крепкую дубовую дверь. Отплясав, Демьян бросился к старухе.

— Изабелль нам нужно бежать. Они через некоторое время выбьют ее, и ворвутся сюда. У меня не хватит сил защитить тебя и моего сына.... Твоего сына. Моего кузена.... Черт его знает кого. Но....

— Но мой сын при дворе. Он король, — ответила Изабелль, — я здесь одна. Совсем одна.

Глава 5. К вопросу о чистоте королевской ДНК.

Демьян присел рядом, ребра болели. Он попытался снова надеть башмаки. Но они, имея сыромятное кожаное происхождение, остыв, превратились в сухие небольшие тапочки.

— Черт с ними, — разочарованно покрутив в руках, он отшвырнул их в сторону и с любопытством посмотрел на Изабелль.

Перед ним на низкой табуретке сидела самая настоящая беззубая старуха, в большом черном чепце. Головной убор громоздился, подобно шляпке гриба, из-под которого выбились растрепанные сосулистые завитки длинных седых волос. Они медленно покачивались от дрожащих движений головы, как бесконечные щупальца медузы цианеи, обитательницы северного Ледовитого океана. Кожа на лице желтоватая с трещинками и сеткой морщин, похожая на печеное сморщенное яблоко. Сучком сухого полена торчал немного крючковатый совиный нос, а под ним, словно нарисованный нетвердой старческой рукой корявый дефис — тонкие бесформенные губы. Вот и все что осталось от красоты той очаровательной девушки, которую он впервые увидел в окно замка Гайон.

«Пипец...», — разочарованно произнес он про себя, вспоминая, как страстно целовал ее красивые, теплые губы в ту единственную ночь.

Демьян чуть кашлянул, силой воли отгоняя от себя, некстати пришедшие, мысли о ее дряблом теле, что скрывает под собой черное платье, расшитое серебряными нитями — его руки и глаза помнили совсем другое.

«Бабка, самая настоящая старая бабка... Может быть и к лучшему? Что я вот тогда не пришел... Господи, что я несую!?».

Изабелль словно почувствовала, то, о чем он думает. Она грустно склонила голову и неловко провела рукой по лицу.

— Я когда-то была молода и красива.... Когда ваш батюшка меня впервые увидел, мне было всего пятнадцать лет. Моя кожа была белой и бархатистой. Глаза чисты, словно лесной родник. Я была желанна и юна как нимфа. А теперь время взяло свое....

Пристыженный Демьян снял с шеи медальон с ее изображением и протянул ей.

— Вот. Он всегда со мной.... А-а... То есть, мой отец.... Он всегда носил его, не снимая. Он любил вас до конца своей жизни.

— Господь забрал его? Когда он умер? — спросила Изабелль.

— Я не умер.... То есть он не умер. Он знал, что вам угрожает опасность, поэтому отправил меня спасти свою возлюбленную и его сына.

«Черт побери, надо придерживаться какой-то одной линии вранья», — вздыхая, подумал Демьян, — «я даже не знаю, что говорить».

Она взяла из его рук медальон и посмотрела на изображение молодой и красивой девушки.

— Время никого не щадит. «Я отдала ему серебряный кулон с моим портретом в память о нашей с ним единственной ночи, — смущенно сказала она, — простите месье, я старая женщина и мне уже можно говорить все что заблагорассудится, Господь милостив к старикам, забирая у них не только разум, но и стыдливость юности».

Демьяну почувствовал, как на его глазах выступили слезы.

— Прошу вас, месье, если вам известно, почему он покинул меня, скажите? Я ждала его.... Но он не пришел. Тогда мне хотелось умереть от горя. Впрочем, король выдал меня замуж за достойного человека, и я смирилась с волей Господа. В течение нескольких лет, используя свои старые связи при дворе, и расположение старых друзей моего отца, которые помнили его доброту, я пыталась узнать судьбу моего возлюбленного. Но все тщетно. Он исчез, словно его никогда не было.

У Демьяна комок подкатил к горлу, он едва сдерживал себя, чтобы не броситься к ней и все рассказать. Но он видел перед собой непривлекательную старуху, а не ту Изабелль, что любил в своем сердце, поэтому хоть ему и было ее жаль, все же разочарование и чувство легкой брезгливости стали источником очередной лжи.

— Дело в том, что мой отец вступил в опасную борьбу за место главы цехов Города. Вы же помните мадам, он не являлся истинным уроженцем Франции и стал подданным французской короны, приехав из далекой Московии. В тот вечер, когда он должен был прийти к вам и вызволить из-за стен монастыря, его вероломно схватили конкуренты сторонники покойного Ле Бертрана, вывезли из Парижа и продали через пизанцев туркам в рабство. Полтора года мой отец страдал, будучи гребцом на одной из военных галер турецкого паши. Думаю, вы представляете какова участь раба на галере. Но судьба смилостивилась над ним. Турецкий паша отправил их галеру в помощь своему союзнику крымскому хану и там, в бою на море ее захватили русские казаки атамана м-м-м....

Демьян немного помолчал, вспоминая хоть одно имя казацкого атамана из того времени, чтобы его ложь звучала более правдоподобно.

— Черкашина! — воскликнул он, — Казаки естественно освободили своего единоверца, и принял в отряд. Почти два года он участвовал в храбрых налетах на земли крымского хана. И все это время его сердце было с возлюбленной. С вами Изабелль. Он мечтал вернуться. Там же, мой отец от венецианских купцов узнал, что поздно, вы стали женой маршала Франции и, понимая, что ничего уже не изменить в божьем замысле горько оплакивал свою участь. Он сильно отдался своему горю, и искал смерти в бою. А спустя время казаки на общем собрании, которое они называют круг, избрали его своим атаманом. Он потом женился на дочери бывшего атамана Черкашина и вскорости родился я. Когда я стал старше и занял место в бою рядом с ним, мой батюшка поведал мне историю вашей с ним любви. Мой отец всегда говорил, что свое сердце он отдал вам навсегда, еще тогда, когда впервые увидел вас. Он же мне и рассказал замечательную историю про рыцаря Люка Скайвокера, о которой знали только вы.

Он перевел дух.

«Мама дорогая... Вот наворотил-то», — невольно поморщился Демьян, — «хотя, пусть будет так, оно, это к лучшему».

— А что стало с моим сыном? — спросил он, — Простите, с вашим сыном и моего отца, то есть другим словами с моим сводным братом, кузеном?

«Как хорошо, что она старая и немного глухая. Не слышит всех моих косяков», — подумал он, оговариваясь в очередной раз.

Она опустила голову и грустно вздохнула.

— После моего рождения мальчика король решил, что это его сын, ведь он думал, что у меня кроме него не было других мужчин. Он даже не догадывался, что счастье было в моей жизни... Та одна единственная ночь с моим возлюбленным месье Демьяном. Открыться в этом значило бы подвергнуть жизнь смертельной опасности всех, кто мне дорог. И к тому же у короля не было других наследников мужского пола. Моего сына у меня сразу же забрали едва я родила, и его кормилицей стала одна из придворных дам.

«Ни-и-и хрена себе!», — Демьян, он чуть не поперхнулся от удивления, — «Я! Я! Стал основателем новой династии французских королей! Только это никто не знает.... Обалдеть!»

Он ошарашенно смотрел на Изабелль.

— Вы хотите сказать.... Что сын моего отца, мой, скажем так, кузен, стал наследником французского престола? Не сын короля, это точно? Вы не ошибаетесь часом бабушка? Простите Изабелль

— Каждая женщина знает от кого у нее ребенок, — безучастно ответила Изабелль, — мне трудно признаваться в таких поступках. Но Господь и Пресвятая дева мать Божья на

моей стороне. Я думала, что тайну этого греха я унесу с собой в могилу, но мне Господь послал вас. И я желаю, чтобы ваш батюшка знал все.

«Да тут не поспоришь, вы бабы еще те создания, вас только тест ДНК может припереть к стенке. Это просто невероятно! Ну, все же королевская кровь.... Черт, и много, интересно, в истории вот таких династий? Ведь раньше тест ДНК не проведешь. И неизвестно от кого сынулька, от конюха, лакея или усатого статного гвардейца».

Демьян даже как-то расслабился и вальяжно потянулся, от мысли, что именно он стал зачинателем, пускай и неофициально, но все же биологически приложил «свою руку» к линии французских королей.

— И я больше не видела своего маленького Анри, — подвела она итог печальному рассказу, — даже не знаю, помнит ли он о моем существовании, — Изабелль горько вздохнула, — меня все покинули. А сегодня сбежала даже моя старая служанка. Она ушла перед закатом и не вернулась, хотя верно мне служила всю жизнь.

Изабелль тихо всхлипнула и беззвучно заплакала.

«Она не покидала тебя, возможно, ее просто убили», — ответил ей про себя Демьян.

Он мало что чувствовал к старой женщине, сидевшей перед ним. Ведь это не та Изабелль, повторил он сам себе, уже в который раз, но ему все же, стало безумно жаль ее. Одинокая, брошенная, забытая, преданная всеми, и им, в том числе несколько десятилетий назад, лишенная сына и возможности жить с любимым человеком — он потянулся к ней и, обняв, прижал к себе.

«Ну не переживай, моя дорогая Изабелль, я найду этого засранца и своей отеческой рукой напорю ему задницу. Мать забыл, говнюк», — сердито подумал он.

— А что дальше?

Изабелль удивленно посмотрела на него.

— Его сын должен унаследовать польский престол. Вернее, объединенного государства, Речи Посполитой. Я еще общаюсь со старыми друзьями, которые вхожи во двор, и они приносят мне разные придворные сплетни. Я слышала, что прибыла польско-литовское посольство с просьбой к принцу занять объединённый престол.

Демьян, уже ничего не соображая от вала информации и путаясь во всех этих династических клубках промолчал.

«Ахренеть! В Польше так в Польше. А вообще-то надо постараться вернуться обратно и выполнить свое обещание вытащить Изабелль из монастыря. Тогда мне не придется мотаться по средневековой Европе в поисках возможности свидеться с сыном.... Или уже внуком? А все будет намного проще.... Детский сад, первые роликовые коньки, Макдональдс, поездка с семьей к морю в Турцию, школа, институт, может под старость, мы с Изабелль на даче огород разведем...»

Он посмотрел на сидящую перед ним старуху.

«Мда-а уж, там ты такой развалиной точно не стала бы.... Будут тебе всякие спа-процедуры, массажи и прочая бабская хрень. А вечерами мы будем смотреть «Звездные войны» представляю, как ты обалдеешь...», — он даже заулыбался от этих чарующих размышлений, как все может сложиться, если он вернется обратно и спасет ее.

Но его мысли прервал громкий грохот где-то внизу. Они совсем забыли про погромщиков, а те тем временем перешли к активным действиям, выбивая дверь. К тому же в окно залетел камень, который едва не разбил голову несчастной Изабелль, потом за ним влетел горящий факел.

— Давай парни поднажмите! — подбадривал своих товарищей мясник, — выкурим наглых гугенотских крыс, которые развелись в нашем городе без числа! Попустил нечистый Сатана их в наши дома. Но ничего Господь вложил в наши руки оружие и огонь. Убивать и жечь проклятых еретиков!

Демьян схватил факел и выбросил его обратно. В ответ в окно сразу полетели камни и куски палок. Он спрятался за угол, и осторожно высунув голову, посмотрел вниз. Несколько погромщиков держали толстое бревно и, орудуя им как тараном, били в дверь. Рядом стоял мясник с факелом и руководил. Демьян огляделся по сторонам, но ничего, что можно было бы швырнуть в голову этого жестокого убийцы, не нашел. Зато мясник увидел его бледное испуганное лицо в оконце и закричал.

— Дрожишь гугенотская крыса?! Скоро мы выбьем эту проклятую дверь, и я собственными руками вспорю тебе брюхо, как свинье. Уж поверь, я это умею делать хорошо!

Демьяну на мгновение почудилось, словно лицо мясника исказилось превратилось в давно забытый образ Семы Молотка. Как будто это он стоял там внизу и руководил погромщиками.

Несколько камней полетели в окно.

Демьян тряхнул головой и спрятался за угол и увидел у стены, прислоненные деревянные ставни, он схватил их и закрыл ими проем.

«И дальше не видеть твою мерзкую кровожадную рожу», — огрызнулся он, про себя обращаясь к мяснику.

Нужно действовать.

— Изабелль! Нам необходимо спуститься и забаррикадировать дверь иначе эти мерзавцы со временем вынесут ее.

Демьян схватил ее за руку и потащил вниз по лестнице, освещая путь свечой. В гостиной входная дверь сотрясалась от мощных ударов тяжелого бревна, готовая вот-вот сорваться с петель.

Бум! Бум! Бум!

Железный засов прыгал в петлях, едва сдерживая натиск, доски трещали, давая знать, что хоть они и дубовые, но отнюдь не вечные и скоро расколются.

«Хорошо, что вы богачи и можете себе позволить дубовую дверь с железным запором. Но этого мало!», — думал он, озираясь по сторонам и ища предметы для создания небольшой баррикады.

— Ага, есть! Держи свечу! — воскликнул он и, отпустив руку Изабелль, приступил к делу.

Демьян, не теряя ни минуты начал задвигать в дверной проем тяжёлые сундуки, столы, стулья, мешки, даже кухонную утварь — все, что попало ему под руку.

— Изабелль! Я завалю вход. Дверь и баррикада их на некоторое время сдержит, но они неизбежно ворвутся сюда и убьют нас! Моих сил справиться со всеми не хватит. Нужно позвать кого-то на помощь или, что лучше всего, каким-то образом незаметно покинуть дом.

В этот момент он пожалел о том, что отправил Гастона вместе с Бруно в будущее.

«Глупая ошибка», — подумал Демьян, — «Гастон один уложил бы всех этих мясников, водовозов, сапожников и остальных...».

— Нам некого позвать на помощь, — смиренно ответила она, — но мы можем покинуть дом через потайной выход, он ведет к берегу реки.

— Отлично! — Демьян обнял старуху и, не удержавшись от нахлынувших чувств, поцеловал ее в лоб, — Бежим мадам! Веди!

Она задумчиво посмотрела на него.

— От вас пахнет так же, как и от вашего отца....

— У нас нет времени сейчас выяснять, как от кого пахнет! Валим отсюда пока эти идиоты не сообразили окружить дом.

Изабелль повела его по узкому коридору вглубь дома. Несмотря на смертельную опасность, Демьян с любопытством смотрел по сторонам, обозревая быт средневекового жилища. Он отметил про себя, что дом пребывал в некотором запустении. Плохо подметённые полы,

пыль, местами мусор, на стенах покосившиеся картины в потускневших рамах, всюду оплывшие столбики свечей. В кухне беспорядок, остатки немудреной еды, хлеб, овощи, глиняная бутылка с отколотым горлышком — по-видимому, старая служанка о которой упомянула Изабелль, из рук вон плохо справлялась со своими обязанностями.

«Эх, бедная моя Изабелль», — пожалел он ее.

Она вывела его в небольшой внутренний дворик и указала на малоприметную дверь, чернеющую на фоне каменной стены.

— Это здесь. Вход в подвал и там короткий проход, — сказала она.

По тому, как дверь с трудом открылась, Демьян понял, что ей очень давно не пользовались. Он посмотрел на толщину дверного полотна — толстые дубовые доски, скрепленные железными полосами, потом вытянул руку и осветил узкий проем, ведущий в подвал.

«Отлично, черт возьми. Наверное, твой муженек сделал его, памятуя о секретных подземных ходах, что рыцари рыли в своих замках. И не ошибся, секретный ход из донжона вещь архиполезная... Спасибо тебе старый черт! Ты почти спас нас», — подумал он.

Где-то внутри дома раздался грохот и треск — дверь не выдержала натиска и поддалась.

«Все!», — подумал Демьян, закрывая за собой дверь и задвигая засов, — «Еще пару минут они будут рыскать по дому в поисках нас и поживы и пока сообразят, что дом пуст мы уже будем плыть на лодке по реке далеко от этого места. А что будет потом? Когда я ее спасу. Что я ей скажу? Дорогая Изабелль я сын того чувака, которого ты любила. Хочешь, я тебе покажу будущее? Ты там чутка, поживешь, а я пока разберусь с тем, как вернуть время обратно и вытащить тебя из монастыря. Чушь! Чушь собачья! Ладно решим по ходу дела».

Он отогнал предательскую мысль и поднял свечу.

— Изабелль, быстрее, пошли.

Они миновали помещение самого подвала, заваленного всякой рухлядью, и двинулись по очень узкому душному коридору. Демьян шел, смахивая с пути лоскуты седой паутины, которая свешивалась с потолка, словно старая пакля из прохудившейся стены. Со свода капала вода, конденсирующаяся на прохладной каменной кладке, а горло першило от запаха затхлости и плесени.

«Жуть», — подумал он, — «не застрять бы здесь, как я застрял в окне. Спасать уже будет некому».

Через несколько метров они уперлись в другую дверь. Демьян, ударив пару раз ногой засов, отодвинул его. Навалился плечом и с трудом сдвинул ее на несколько сантиметров. Дальше дверь не шла, как он ни старался. Он осмотрел заржавленные петли. Слой старой ржавчины покрывал их так обильно, что массивные штыри «закусило» и толстые кольца намертво заклинило между собой. Он попробовал их выбить рукой. Но только ободрал ладонь.

— Ни хрена не выйдет! Все капец, — прошептал он, бессильно оперившись лбом о дверь, — обратно нам уже нельзя и здесь оставаться тоже и мы теряем драгоценное время, черт возьми.

Но на выручку пришла Изабелль. Она взяла из его рук свечу и вылила на петли растопленное свечное сало.

— Толкай, — коротко сказала она, — да прибудет с тобою сила молодой Садко!

Демьян уцепился руками за край двери, и с силой покачав ее к себе и от себя, открыл.

«Ну, ты даешь дорогая!», — усмехнулся он про себя.

Они погасили свечу и в полумраке, лишь освещенные слабым лунным сиянием, пошли к небольшой пристани, там покачивалась единственная оставленная для бегства лодка. Спасение так близко. До них доносились крики жертв и их мольбы о пощаде. Кровавая расправа докатилась и до этого тихого места. На другом берегу отсвечивало зарево нескольких пожаров или больших костров. Изабелль, шедшая за ним, беспрестанно произносила молитву, в которой просила защиты у Господа и Пресвятой Девы.

— Вовремя мы слиняли, — прошептал Демьян, — еще немного и уже бесполезно было бы бежать. Нас разорвали бы эти мерзавцы.

Они вышли на небольшой деревянный помост. Демьян быстро запрыгнул в лодку и протянул ладонь Изабелль. Та немного замешкалась, подбирая полы платья.

— Давай руку, дорогая, прошу тебя, быстрее....

— Далеко собрались?! — раздалось за ее спиной, — сдается мне, что вы забыли попроситься.

Изабелль как-то странно выгнулась всем телом, тихо всхлипнула и стала оседать на ослабших ногах. Демьян увидел, что из черной ткани на ее груди торчал непонятный заостренный кусок металла, с которого капала кровь.

— Изабелль, что с тобой? — растерянно спросил он, — Изабелль! — закричал Демьян.

— Все замечательно приятель, не изволь беспокоиться, — из-за ее спины выглянул мясник, — свидание отменяется, и твоя подружка гугенотка никуда не поплывет. Старая ведьма передумала. Она просто решила, что не перенесет путешествия и попросила ей помочь.

Мясник схватил сильной рукой несчастную Изабелль за плечо, с хрустом вытащил мясной крюк из ее худого тела. Потом отбросил женщину в сторону.

— А теперь крыса, пока парни обчищают дом, мы с тобой потолкуем по-свойски. Мне жаль тебе говорить, но ты никуда не поплывешь.

Перед Демьяном стоял мясник и рядом с ним водовоз Жак.

— Ты думал, что все такие дуралеи, как вот этот пропитый пьяница? — он обнял за шею Жака и притянул к себе, потом отпустил, — Не-е-т. Мне он сказал, что ты ходил за угол дома и что-то там высматривал. Вынюхивал словно крыса. И я тут же смекнул, наш гугенотик ищет пути отхода, так на всякий случай. Но ты не проведешь старину Марселя. Я сразу понял, что ты бегал к речке.

Мясник сделал резкий выпад и размахнувшись попытался ударить Демьяна большим крюком по голове. Но тот уже пришел в себя и смог ловко увернуться — уроки Гастона не прошли в пустую. Он наклонился, уходя от удара. Лодка предательски качнулась, и Демьян рухнул на ее дно.

— Проклятый гугенот! Я подвешу твою тушу на мой крюк! Ты будешь висеть как свинья... Господь мне в помощь!

Мясник запрыгнул в лодку и еще раз замахнулся крюком. Но Демьян изловчился и сильно ударил его веслом в колено. Мясник, хоть и расставил широко ноги, но тоже не смог удержаться в качающейся лодке и со всего размаха сел на небольшую скамеечку на корме.

— Ах ты, проклятый гугенот!

Крюк выскользнул из его рук и упал в воду. Грязно ругаясь, он попытался встать, схватив второе весло, но не успел. Демьян оказался более проворным. Он вскочил и, выхватив рапиру, и проткнул мяснику грудь. Тот захрипел.

— Грязный ублюдок....

Демьян резким движением выдернул клинок из тела и воткнул ее острие ему в горло, потом также вытащил и, приложив всю свою силу, ударил в тонкую лобную часть над переносицей. Раздался громкий хруст ломающихся костей, мясник сразу же обмяк и повалился на бок. Демьян вовремя вытащил клинок из его головы, на котором застыло удивлённое выражение лица и толкнул ногой здоровяка. Мясник, обливаясь кровью, не выпуская из рук весла, медленно перевалился через борт и с тихим всплеском погрузился в темную воду, словно в адский мрак. Жак водовоз, молча наблюдавший всю эту картину, развернулся, как-то жалобно всхлипнув, рванул в сторону дома. Демьян не мешкая ни секунды, выпрыгнул из лодки, бросаясь за ним в погоню. Он нагнал его почти у самого угла стены.

— Прошу прощения приятель, но у меня нет другого выхода, — он сделал резкий выпад, протыкая несчастного Жака чуть выше поясицы, в то место, как учил его Гастон, у человека

находятся почки. Бывший водовоз, хрипя и стона от боли, упал на живот. Он, хрипя, попытался уползти, но Демьян хладнокровно добил его ударом рапиры, вонзив ее под лопатку с левой стороны. Жак затих и перестал шевелиться.

«Господи!», — закричал про себя Демьян, — «Что я творю!?».

Он ощутил, как его руки задрожали и он, выронив оружие, упал на четвереньки. Руки еще чувствовали это мягкое погружение острой стали в человеческое тело.

— О... Боже, что со мной?

Его вырвало. У дома послышалась какая-то возня. Демьян взял себя в руки. Он быстро подбежал к телу Изабелль. Она еще была жива, поднял ее и перенес в лодку и, оттолкнувшись ногой от деревянной пристани, отдался на волю течения реки.

Изабелль лежала на его руках и едва дышала. Ее сильные вздохи то и дело прерывались, жизнь уходила из нее.

— Изабелль, — тихо позвал ее Демьян, давясь от слез.

— Ведь.... Это ты..., — прошептала она, — я знаю это ты пришел....

— Я, — ответил Демьян.

— Ты все же пил кровь убитых девственниц?

— Нет, что ты несешь.... Я не совсем, такой, как ты, думаешь.... Я столько хотел рассказать, показать.... Я клянусь дорогая, что я вернусь назад и заберу тебя из монастыря.

Ее тело начало трястись от конвульсий и изо рта пошла кровь.

— Поцелуй меня, — едва слышно прошептала она.

Демьян, обливаясь слезами, прижался к ее губам, чувствуя на них еще теплую кровь. Изабелль умерла.

Глава 6. Черная королева.

Он потерял последние остатки душевных сил и, не имея больше возможности противостоять злоключениям своей судьбы, лег рядом с телом мертвой Изабелль на дно лодки. Лишь единственное желание, еще трепетало в нем робким пламенем свечи — ничего не видеть вокруг, унести свое плачущее сознание из этого мира, как можно дальше. Демьян сквозь боль горькой потери, что ранило сердце, усилием воли, заставил себя сосредоточился на черном небе, усыпанным бесчисленными звездами. Раньше, он никогда не осмелился вот так лежать рядом с мертвецом, но жизнь в средневековье разрушила преграду неприятия смерти, сделав частью бытия. Поэтому он, равнодушно отведя глаза, боковым зрением смотрел на заострившиеся черты лица Изабелль.

«Не видеть ничего... Не слышать ничего...».

Неуправляемая лодка, подобно челну жуткого перевозчика душ усопших Харона, медленно плыла по течению Сены, в сопровождении безмолвных спутников — сотни, тысячи трупов убитых и сброшенных в реку этой ночью людей. Он слышал, как иногда они касались своими телами бортов, издавая тихий шорох, шелест, похожий на загробный шёпот, поскрипывания, постукивание, едва слышимые всплески воды, когда переворачивались, попав в водоворот — речь мертвых, которым уже все равно. Этими звуками они звали его и мертвую Изабелль в неизвестность, дальше по течению зловещей реки Ахерон. Переживание утраты душило Демьяна, заставляя испытывать по-настоящему тяжелые чувства боли и тоски.

«Господи, ну почему со мной всегда так? Я нахожу свое небольшое счастье и тут же его теряю...».

Но ответом ему были отблески огня и далекие, безумные крики жертв резни с обоих берегов реки — сегодня Бог молчал. А Демьян, каждый раз задаваясь этим вопросом, одновременно стыдливо загонял подальше в подсознание очевидный ему ответ. После поединка с Семой Молотком он необратимо изменился. Они с Бруно успешно торговали артефактами и сумели скопить на счету в банке очень приличную сумму, которая позволяла им обоим жить припеваючи, не думая о насущном куске хлеба с маслом и красной икрой. Ничто не мешало ему открыться Изабелль, «притащить» ее, как он говорил, когда дело касалось Анны дочки пекаря, в современность и зажить той счастливой жизнью об утрате, которой он сейчас так горько сожалел. Но он этого не сделал. Зато, как только события завертели в круговороте опасных приключений, ему вдруг стало очень «комфортно». Он снова почувствовал, смертельно щекочущий кончик рапиры, что судьба держала в своей нетвердой руке у его горла. Все это вернуло ему, немного поблекший вкус жизни, и как не странно, равновесие в душе.

Но время шло и через некоторое время лодка ткнулась в берег, ее немного крутнуло кормой, и она громко стукнулась бортом о небольшой деревянный помост. Тут же кто-то сильной рукой притянул ее к швартовочному месту, не дав уплыть дальше. Демьян вскочил и уже потянулся рукой к рапире, но властный голос его остановил и одновременно этот кто-то осветил ярко горящим в руках факелом лодку.

— Месье, я не советую вам даже притрагиваться к оружию. Если вы не хотите быть убитым на месте.

Демьян медленно и послушно опустил руку.

«Начинается...», — он обреченно поднял голову, огляделся по сторонам, — «не успело все закончиться, как все начинается снова!»

Его лодку прибило к небольшому помосту, на котором стояли несколько вооруженных людей. Их суровый вид, оружие, начищенные до зеркального блеска кирасы и латы свидетельствовали, что перед ним не мародеры и погромщики, а дисциплинированные бывалые солдаты. Человек с факелом держал в руке обнаженный тонкий меч. Чуть поодаль выстроились в

ровный ряд две шеренги из нескольких солдат, вооружённых алебардами и рапирами. Их прикрывал небольшой отряд с тяжелыми мушкетами, на которых в оружейных замках краснели тлеющие фитили. Небольшой, по численности отряд, но очень мощный и хорошо обученный, способный твердой рукой, в одно мгновение подавить натиск целой тысячи погромщиков.

«Ну, все вот и приплыли...», — подумал Демьян, повторяя свою предыдущую мысль.

— Назовите свое имя и титул, если таковой имеется, если вы благородный человек! — приказал солдат с факелом в руке.

По-видимому, он тут был главным, офицер или командир.

— Демьян Садко.

— Вы иностранец?

— В некотором роде.... Да, я аптекарь из Московии. Прибыл во Францию.... А тут у вас такое, вот происходит.... Я совсем не ожидал, что попаду в кровавую круговерть событий....

— Аптекарь? — раздался удивленный, но в то же время властный женский голос из темноты.

— Да мадам, — ответил Демьян, поворачиваясь в сторону, откуда он услышал вопрос, — я аптекарь. Я не имею благородного происхождения, но я глава цеховых мастеров. После смерти почтенного ле Бертрана...

Он услышал неразборчивое удивленное восклицание и тут же осекся, понимая, что сболтнул лишнего.

— Вейлр, приведите его ко мне, — приказала женщина.

В ее голосе едва заметно промелькнули нотки крайней заинтересованности.

Солдат отступил на шаг в сторону и почтительно поклонился в темноту.

— Слушаюсь Ваше Величество.

«А-а-ахренеть! Час от часу не легче!», — у Демьяна, и немного ослабили ноги от волнения, но он тут же собрался, ведь опыт общения с монархами у него имелся, — «везет же мне на общение с королями».

Он выбрался из лодки и его тут же окружили два человека с алебардами.

— Месье прошу вас отдать мне вашу рапиру. И любое оружие, что вы имеете при себе.

— У меня только она, — Демьян протянул ее офицеру.

Тот принял ее и внимательно посмотрел на клинок, испачканный кровью.

— Она побывала в деле.... Вы кого-то убили? — спокойно спросил он.

— Да, месье. На нас напали, и нам пришлось защищать свою жизнь. Мы шли по улице, и на нас напала целая ватага погромщиков. Я едва отбил, убив двух мародеров, но не смог..., — голос Демьян дрогнул, — защитить ее.

Офицер подошел к лодке и склонился над ней, освещая факелом.

— Кто эта достойная женщина? — спросил он.

— Изабель де Амбуаз вдова маршала Шарля сеньора де Шомона.

В темноте раздался едва уловимый печальный вздох и властный голос приказал.

— Немедленно подойдите ко мне.

Офицер отошел в сторону и кивнул двум солдатам, что стояли по оба плеча от Демьяна. Они, внимательно смотря за его движениями, отвели к небольшому открытому шатру, в котором стояло изогнутое кресло, и в нем сидела женщина в черной плотной одежде. На шее небольшой и довольно скромный брыжжевый воротник раф, который в средние века называли иногда просто «мельничный жернов на шее». Довольно простое бледное лицо скрывала небольшая черная вуаль, укрепленная на излюбленном головном уборе шестнадцатого века арселе — подковообразный железный каркас в виде сердца, обшитый черным бархатом и жемчугом. Англичане называли этот головной убор французский капюшон. Несмотря на ее довольно простое одеяние, было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что эта женщина имела весьма серьезный социальный статус. И как уже услышал Демьян, он был королевским.

Он сразу же узнал ее, словно она сошла с картины Франсуа Клуэ — перед ним сидела вершительница всех монарших судеб той эпохи Екатерина Медичи. Демьян знакомый с этикетом почтительно опустился на одно колено.

«С этой бабой нужно быть очень осторожным, одно неверное движение или неправильная мысль, если некстати отразится на моем лице... И башка слетит в ту же секунду или затянется петля на шее», — Демьян понял, что теперь «игра пошла по-крупному».

— Ваше Величество, — уважительно произнес он, опустив голову и продолжая стоять.

— Вейлр, осмотрите тело Изабель Амбуаз де Шомон, — приказала королева.

Через некоторое время офицер вернулся, чуть склонив голову сказал.

— Эта достойная дама погибла от удара в спину, — сказала он и на мгновение задумавшись, добавил, — копьё или удар наконечником алебарды, но не меч и не рапира.... Может быть мизерикорд[1] или нечто похожее.... Трудно сказать Ваше Величество.

— Ее убил какой-то мясник крюком для туш, — воспользовавшись паузой, вставил Демьян, и пояснил, — незаметно подкрался сзади, когда она садилась в лодку. Она даже не подозревала, когда он к ней подобрался и ударил.

Офицер утвердительно, кивнул.

— Да очень похоже, на удар снизу вверх. Возможно, что крюк для мясных туш подходит для такого удара.

— Встаньте месье Демьян, — сказала Екатерина Медичи.

Она указала ему пальцем, на то место, где он, по ее мнению, должен стоять. Демьян, не мешкая исполнил ее пожелание.

— Я была хорошо знакома с покойной Изабель Амбуаз де Шомон. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, я по воле Господа, стала женой французского короля. Но, к сожалению, французский двор принял меня довольно холодно. Я страдала от одиночества и неприязни со стороны придворных. Многие за моей спиной высокомерно называли меня итальянкой и купчихой. Надсмехались над моим французским произношением, считая меня невеждой. И лишь одна Изабель Амбуаз де Шомон проявила ко мне участие. Она была добра ко мне, хотя само ее положение при дворе тоже нельзя назвать блестящим. Придворные дамы, всегда злы на языки — они звали ее Простушка Изабель. Но мне всегда казалось, что ее это очень мало волнует. Все подозревали, что именно она, а не королева, родила внебрачного сына короля, ставшего законным монархом, и относились к ней с жалкой снисходительностью и злой завистью. А потом, когда она впустила в свою душу учение Кальвина и Лютера, я еще реже видела ее, но ее доброта навсегда осталась в моем сердце.

С реки потянуло предрассветной прохладой. Слуга заботливо набросил на плечи королевы тонкий, но теплый шерстяной плащ из английского сукна и подбитый собольим воротником. Солдат принес дополнительный факел и укрепил его в специальной железной треноге рядом с креслом. Королева сидела в нем, немного откинувшись на спинку. Снова появился слуга, принеся второе кресло для Демьяна.

— Вейлр, распорядитесь об останках Изабель Амбуаз де Шомон, — приказала она.

После того как тот в очередной раз молча поклонившись удалился, она обратилась к Демьяну.

— Вы хотите есть или пить месье? — спросила Екатерина Медичи, — у вас была не простая ночь.

Не дожидаясь ответа, она едва кивнула головой. Из-за ее спины появился тот же слуга, он поставил небольшой столик и изящный стеклянный кувшин, отделанный серебром и золотом, два таких же изящных стакана и серебряное блюдо с вялеными фруктами. Слуга разлил вино по стаканам и удалился куда-то в темноту за ее спину. Она кивнула Демьяну.

«Млять... Отравит ведьма и глазом не моргнет. Знаем мы, как ты травила всех, кто тебе был не угоден», — тот взял бокал и с опаской отпил немного вина, — «навыки отравительницы у тебя есть».

— Смирено благодарю Вас Ваше Высочество, — сказал Демьян, и еще из вежливости отпив вина, поставил бокал на столик.

— В линии моих предков, очень давно, тоже были флорентийские аптекари. Так что мы с вами, месье Демьян в некотором роде из одного цеха. Вы католик?

Она пристально смотрела на него. В ее темных глазах этот простой вопрос приобретал начало очень сложной комбинации важной беседы и Демьян нутром почувствовал, что сейчас начнется не просто разговор. Он подумал, что нужно быть начеку.

— Да Ваше Величество.

Он не посмел, в ответ смотреть в ее большие слегка на выкате, очень выразительные глаза, словно понимал то, о чем она сейчас думает — божественное провидение не просто так прибило эту лодку с мертвой вдовой бывшего маршала Франции, настоящей матери короля и этим странным аптекарем из Московии. Зачем? Тут есть о чем задуматься — французская гугенотка, мертвая мать королевского бастарда, ставшего монархом, и аптекарь из далекой Московии, причем католик. В чем замысел Господа?

«Да я бы сам охренел от такого сочетания», — подумал Демьян.

— Как давно вы находитесь на землях нашей короны? — спросила королева.

— Я прибыл всего два дня назад... И вот, к своему несчастью, столкнулся с тем, что сейчас происходит в городе. Французы убивают друг друга.

Екатерина Медичи очень внимательно посмотрела на него и тяжело вздохнула. Демьян словно видел, как внутри нее идет сложный мыслительный процесс. Как отчаянно она ищет ответ — по какой причине тот человек сейчас сидит перед ней?

— Я вижу месье, что вы умный человек. Поэтому буду с вами искренней. Мы не хотели всех этих печальных событий. Поверьте, месье Демьян, я молилась Господу, чтобы он избавил меня от них. Я просила его послать мне его волю, дать решение избежать их, но противная нашему Спасителю, безумная спесь и гордыня Гаспара де Колиньи и всех, кто его поддерживает, привели к кровопролитию. Они несколько лет, не жалея сил раздували пожар ненависти и противостояния, подвергая опасности Корону и Государство. Французы убивали друг друга, считая, что одни любят Бога меньше, чем другие. Как вы думаете, любовь к Богу может стать причиной для жестокого убийства? Нет ли в этом противоречия?

— Ваше Величество я иностранец и не слишком хорошо знаком с разногласиями христианской веры в землях Вашей Короны... И тем более политические процессы, обеспечивающие устойчивость государственной власти монарха во Франции мне тоже мало знакомы, — уклончиво ответил он.

«Черт побери! Что ты хочешь от меня старая ведьма?», — отчаянно подумал он.

Демьян кинул быстрый взгляд на Екатерину Медичи и понял, что его ответ не удовлетворил ее. Ее спокойный и неспешный разговор словно затягивал петлю из живой змеи на его шее. Королева хотела знать о замысле Господа и Провидении. Он покопался в памяти и решил отвлечь ее, выудив красивую цитату из трудов Никколо Макиавелли.

— Ваше Величество я думаю, нельзя назвать доблестью убийство сограждан, как и предательство, вероломство, жестокость и нечестивость: всем этим можно стяжать власть, но не славу. Но, с другой стороны, разве монарх мог поступить иначе? Кто может его осудить? Я думаю, есть веские причины. Сильный мудрый монарх, добрый и послушный народ, единая церковь — это верное сочетание для процветания и славы государства.

— Вот как! — усмехнулась Екатерина Медичи.

— Да Ваше Величество, — ответил Демьян.

Она откинулась на спинку кресла.

— Гугеноты в своем стремлении соперничать с католиками развязали несколько братоубийственных войн, чем не только обескровили Нашу Корону, но мы понесли тяжелое бремя расходов. Кроме этого, гугеноты всячески попирали устоявшийся порядок и духовную длань католической церкви, разрушая в некоторых местах храмы Божьи, сжигая и творя порчу любого лика Господа и Святых. Они подвергали избиению и убийству добрых горожан, крестьян и монахов не пожелавших отречься от веры своей. Они заняли одну из ключевых крепостей на побережье. Город Ла Рошель важнейший пункт на берегу пролива с Англией. Я каждый день слышала мольбы наших подданных с настойчивой просьбой защитить их. Мы всего лишь хотели устранить нескольких человек замешанных в разжигании богопротивной вражды. Но чернь, натерпевшаяся несправедливости потребовала своей платы.

Она отвела взгляд от Демьяна и посмотрела на другой берег Сены, где продолжалась кровавая ночь накануне дня Святого Варфоломея.

— Пока она не насытится в мести своей, ее невозможно уговорить. Уж поверьте мне... Я еще, будучи ребенком, видела, на что способна разъяренная и обезумевшая чернь, не утолившая свою жажду крови. Но не сомневайтесь, сегодня на рассвете Вейлр и королевская стража призовут ее к порядку своей твердой рукой. Мы наведем порядок. Но и сами гугеноты усвоят через горечь жестоких потерь урок, что спокойствие королевской власти, самое лучшее благо для государства. Вы согласны?

— Если нет другого выхода, хорош и такой, плохо лишь отказываться ради него от всех прочих точно так же, как не стоит падать, полагаясь на то, что тебя поднимут, — поддержал Демьян, ее другой цитатой знаменитого итальянского философа, чувствуя, что первое цитирование Макиавелли было, скорее всего, слишком дерзким.

Екатерина Медичи наклонилась к нему и удивленно посмотрела в глаза, которые он тут же смущенно отвел.

— Месье Демьян вы и вправду всего лишь аптекарь из Московии? — спросила она после продолжительной паузы, — в ваших речах присутствует разум достойный государственного правителя. Я вижу, как вы пытаетесь закрыть от меня свою душу этими витиеватыми, но очень правильными изречениями.

— Да Ваше Величество это истинная, правда. Я лишь простой аптекарь из Московии.

— Тогда скажите любезный месье Демьян, как вы оказались рядом с телом Изабеллы Амбуаз де Шомон? Ведь согласитесь это весьма любопытно, как простой аптекарь из далекой и дикой страны оказался рядом с женщиной, имеющей отношение к королевской крови? Это весьма занятный вопрос. Мы уже выяснили, что вы не один из этих кровожадных убийц, что сейчас убивают гугенотов на улицах Парижа. Кто вы на самом деле месье Демьян?

«Ну, вот и вопрос на миллион долларов», — подумал Демьян.

— Дело в том, — начал он издали, — что мой отец в юности был очень дружен, с сей достойной сеньорой. Он молодым человеком долгое время проживал в землях французского короля и даже имел доходное предприятие здесь в городе. Был аптекарем... И даже иногда поставлял королевскому двору лекарства. Дружил с ее отцом покойным кардиналом Франции Жоржем де Амбуазом и таким образом имел возможность дружеского общения с Изабелль де Амбуаз. У ее батюшки была запущенная подагра. Потом так случилось, что моему отцу пришлось покинуть владения французского короля. Это весьма печальная история.

Демьян немного подумал о том, стоит ли озвучивать версию, что он поведал ранее самой Изабелль или придумать что-то другое. И решил, что стоит придерживаться именно ее.

— Мой отец покинул французское королевство не по своей воле, — начал он рассказ.

И он поведал то, что ранее рассказал Изабелль, только изменил окончание.

Закончив историю, Демьян радушно подвел итог.

— Я прибыл сюда по воле моего батюшки, чтобы стать верным подданным Вашего Величества. Наладить и продолжить его дело, и жить как добрый горожанин.

— Назовите еще раз ваше имя полностью, — задумчиво глядя на него сказала Екатерина Медичи.

— Демьян Садко... Аптекарь из Московии.

— Вас зовут, как и вашего отца? — спросила она, все так же задумчиво глядя на него.

— Да Ваше Величество у нас на Руси — это обычное дело. Мы можем полностью носить имя своего родителя...

У него почему-то неприятно екнуло в груди.

— Я слышала при дворе историю о некоем, весьма странном аптекаре из Московии, который загадочно исчез перед самой смертью Людовика XII... Или это было при Франциске? Его обвиняли в колдовстве, но по просьбе Изабель Амбуаз де Шомон, король позволил ему отстоять свою честь на судебном поединке с еще одним странным человеком тоже из Московии. Говорят, это был очень жестокий и кровавый поединок, — сказала она сама себе, и, обращаясь к Демьяну, спросила, — Это был ваш отец?

— Да это был он, — со вздохом кивнул он, — именно он, Ваше Величество

Королева замолчала, и чуть прищутив один глаз, долго и пристально рассматривала Демьяна, словно сверлила его. У него в душе возникло некое «предчувственное беспокойство», как бы он сам назвал это состояние. Вернулся начальник ее стражи.

— Ваше Величество тело Изабель Амбуаз де Шомон доставлено королевскому лекару для приведения останков в порядок и подготовке к погребению в семейном склепе семьи Амбуаз.

Екатерина Медичи молча, не глядя на него, подняла руку, останавливая капитана королевской стражи и, не сводя глаз с Демьяна. Она, продолжая находиться в состоянии глубокой задумчивости, сказала.

— Очень хорошо Вейлр. Как только чернь успокоится, мы поможем семье Амбуаз де Шомон, взяв на себя все расходы, чтобы отдать достойные почести этой добрейшей даме..., — она неожиданно откинулась на спинку кресла и усмехнулась, — ах, Изабель! Простушка Изабель! Ах, какова!

Королева кивнула в сторону Демьяна и жестко приказала.

— Месье Вейлр, арестуйте этого человека!

Демьян застыл от неожиданности, но темные на выкате глаза Екатерины Медичи источали жесткую решимость, ненависть и уверенность в собственных действиях — она наконец-то поняла, зачем Божье провидение привело этого человека, сидящего перед ней. И почему именно он, был рядом с мертвой Изабель Амбуаз де Шомон.

— Благодарю тебя. Господи, — благоговейно произнесла она, крестясь, — все по воле твоей. Восславив Господа, тебе воздаю должное, ангел-хранитель мой. Славен будь еси в Господе! Аминь.

— Ваш-е-е Величество-о-о..., — начал неуверенно ошарашенный Демьян, чувствуя, как на его плечи с двух сторон опустились крепкие руки солдат.

Но она его словно не слышала и говорила с начальником королевской стражи Вейлором.

— Этот человек очень опасный государственный преступник и представляет в нынешней ситуации угрозу для Нашей Короны.

«Да что ты, сумасшедшая, несешь, мать твою!?», — завопил про себя Демьян, — «Ты охренела?!»

Солдаты его подхватили под руки и легонько встряхнули, выдернув из кресла, словно спелую морковь из грядки.

— Препроводите его в тюрьму, — отдавала безапелляционным тоном распоряжения королева своему начальнику стражи, — и запирайте его в самой дальней темнице, где у него не будет ни единой возможности общаться с кем-либо. Если он посмеет открыть свой рот и кому-то что-то рассказать, тотчас вырвите ему его язык. Хотя нет, он мне нужен еще, я хочу с

этим человеком побеседовать тет-а-тет. Оденьте на него железную маску с шипом, который не позволит ему говорить. Прикажите мастеру Роберу Сансону незамедлительно все подготовить для допроса, понадобится все его мастерство.

У Демьяна от ее жутких слов о палаче ослабли ноги. Он не понимал, что происходит, не видел веских причин этой невероятной перемены в ее поведении, и видел, что заболтать этой бабе мозги, чтобы выиграть время, не получится. Она что-то уловила в его рассказе или в нем самом! Что-то вдруг увидела в его образе, как крайнюю угрозу монаршей власти.

«Все.... Пиздец.... Отъел картошку», — подумал он едва не плача.

[1] Граненый кинжал, распространенный в Средние века в Европе

Дорогой читатель, читать продолжение истории вы можете на ресурсе ЛитСовет <https://litsovet.ru/books/976148-kontrabandisty-vo-vremeni-nevesta-dlya-carya>

Глава 7. Все в этом мире вопрос цены.

Демьян всегда боялся образа черных дверей. Каждый раз, стоя у одной из таких, он несколько секунд переминался в нерешительности, оглядываясь по сторонам, а потом осторожно, робкими поступательными движениями, словно ощупывал ее на предмет опасности, брал ручку, медлил и открывал, толкая ее вперед быстрым и нетерпеливым движением. Сейчас перед ним была черная дверь из самых его страшных кошмаров, набранная из поведенных временем старых рассохшихся досок. На волнистом дверном полотне, местами облупившаяся черная краска, создала причудливый узор — толи оскал хищных клыков, толи злую улыбку монстра. Или же, если приглядеться, невидимый коготь прочертил древнюю загадочную руну — пропуск в иной мир духов и призраков. По виду она была массивная, как и должна быть дверь в преисподнюю, чтобы надежно отделить мир живых и от обиталища мертвых. Но надежность, вещь в нашем мире относительная. Иногда достаточно лишь только мысли, чтобы она потеряла свое значение....

Дверь беззвучно и гостеприимно отворилась. Демьян, следуя глупому инстинкту всех героев фильмов ужасов, беспечно прошел вперед. Вокруг непроглядная бесконечная темень, лишь где-то, чуть вдаль, небольшой круг света и одинокий, словно остров в безбрежном океане черного мрака стол, за которым спиной к нему сидел человек. Демьян кожей почувствовал кто он. Давненько он не видел его. К нему спиной сидел Сема Молоток. По его движениям, отведенным локтям и звукам, было видно, что бандит выпивает. Демьян поднял ногу, но не нашел в себе сил завершить начатое действие, застыл, не решаясь продолжать свой путь дальше.

— Ты чего кореш заморозился? — спросил тот, не поворачивая к нему лица, — эта скорбная тропа для всех. Рано или поздно каждый пойдет по ней. Я вот, видишь, раньше сподобился.

Сема запрокинул голову, вливая в себя алкоголь, потом со стуком поставил большую рюмку.

— Давай Дема, не мни титьки, трамбуйся, поддержи бензуху. Я да-а-авно ждал тебя.

Неожиданно на столе появилась еще одна рюмка. Он налил порцию водки и небрежно толкнул ее на противоположный край стола. Она пролетела по поверхности и ловко остановилась у самой кромки. Сема тут же налил себе.

— Ты чего, как дуб корни пустил? — спокойно спросил он, — давай канай на насест. Выпьем, перетрем за дела наши жмурские....

Сема помолчал.

— Не очкуй! Я не держу на тебя. У меня нет к тебе необоснованных предъяв или гнилых вопросов. Все прошло между нами по-честному. Либо я тебя, либо ты меня. Тебе сученку повезло ты, меня уделал.

Сема рассмеялся.

Демьян мотнул головой, сбивая наваждение, но вместо этого очутился за столом перед Семой, держа в руке сосуд с водкой.

Тот кивнул ему.

— Ну, вот прямо, как икона.... Давай накати на душник, помяни меня. Это христианское дело....

Демьян опустил голову намереваясь выпить, но с ужасом увидел, как в рюмке, словно буй в море, плавает человеческий глаз. Он хотел закричать, но не смог. Вместо этого его рот издал невнятные звуки.

— Ииии, эээ-заааа!

Демьян напрягся, пытаясь вернуть себе членораздельную речь, но все было тщетно. Он чувствовал, как потек пот по лицу от напряжения, как судороги больно свели горло.

— Иииыыы аааээууу тхыыы мммыыы!

Мычал он, с ужасом не в силах раскрыть рот, глядя на плавающий в водке глаз.

— Ты чего беса гонишь дурик?! — закатывался от смеха Сема, — пей сука-а! Вон у тебя в стакане сразу и харч сладкий, закусить есть чем! Или ты смотреть не хочешь? Так давай, я на тебя посмотрю...

Демьян вскинул голову и увидел лицо бандита. Вместо глазниц зияли кровавые ямки, из которых свисали короткие рваные ниточки нервных окончаний.

— Так лучше? — с придыханием спросил Сема, наклонившись к нему, — это же ты мне бибики потушил сученок, а сейчас брезгуешь. Пей и жри вошь поднарная! Себя видеть не хочешь?!

Его голос менялся, переходя с противного визга на утробный бас, словно кто-то взял огромную трубу и пытался через нее говорить. Из углублений, где были глазные яблоки потекла ручьями кровь.

— А давай сыграем в игру! — завопил Сема.

Он закрыл ладонями изуродованные глазницы. Сквозь пальцы сочилась тонкими струйками кровь. Бандит заговорщицки присвистнул и нараспев сказал.

— Я тебя не вижу-у-у....

Потом он резко убрал ладони, разбрызгивая ими кровь.

— А теперь я тебя вижу-у-у...

Он снова закрыл кистями глазницы.

— Я тебя не вижу-у-у....

Отдернул ладони.

— Я тебя вижу-у-у....

Демьян пытался его остановить, но вместо слов, снова нечленораздельное натужное мычание. А Сема, издеваясь, продолжал веселую детскую игру «вижу — не вижу».

— Ннннеее-тыыы-ттыыуууу...., — Демьян, собрав все силы, волком завыл, чувствуя, как вздулись на лбу вены, и кровь застучала в висках. Все, что он хотел это разлепить губы и остановить Сему Молотка

Вдруг голова бандита начала оплывать, будто свеча, обнажая череп. Кость крошилась сама собой и разрушалась, отваливаясь кусками, словно сухие осенние листья на ветру. Жирно поблескивая, мозг, кипящим сургучом, потек по останкам лица Семы.

— Пей сука-а! Пей сука-а! — орал утробным басом он, — что же ты не пьешь?! Закончаться боишься сука?! Это ведь ты крыса превратил мой балабас в гнилушный фарш! А теперь брезгуешь! Ты думаешь, ты друга своего геморройного спасаешь.... Нет крыса, ты себя спасал!

Демьян вскочил из-за стола. Сема Молоток вспыхнул. Пламя пожирало его с треском, разбрызгивая в стороны шипящие капли горячего жира. Топленный человеческий жир летел Демьяну в лицо. Тот пытался его стереть, но не мог дотянуться до лица руками. Словно невидимая преграда встала на их пути. Демьян почувствовал, что задыхается.

— Жарко тут в аду! — визжал Сема, — Жарко..... Жарко-о.....

Демьян вскочил и схватился за лицо, намереваясь стащить с него обожжённую кожу. Руки ощутили железную поверхность, а зубы больно ударились о небольшую стальную пластину затрудняющую речь. Несмотря на то, что рот пересох, подбородок скользил об основание маски наполненной слюнями.

— Ыы-еууууу-ттс, — промычал Демьян не в силах преодолеть препятствие, и все же смог выдавить из себя, — нейт, отпысти мена....

Раздался грохот открываемой двери, вошел огромного роста человек с жестяным фонарем в одной руке, а в другой он держал большой ящик, похожий на переноску столяра из которого торчали железные концы всевозможных орудий пыток. Именно он некоторое время назад заключил лицо Демьяна в ужасную маску — это был мастер заплочных дел Робер Сансон, внук и приемник мастерства Жиля Сансона, с коим Демьян много лет назад дружил по анатомическому театру.

Он чуть посторонился в дверях, впуская в помещение двух охранников. Они прошли, и не применяя излишней жестокости подняли Демьяна усадив его на деревянный топчан. Потом один из них вышел и вернулся в сопровождении королевы Екатерины Медичи, неся за ней деревянное кресло дантеска. Королева уселась в него и, откинувшись на спинку, долго смотрела на узника. Потом подняла руку, и сделала произвольное движение кистью. Мастер Робер Сансон подошел к Демьяну и, постукивая тяжелым молоточком где-то сбоку маски, выбил небольшой бронзовый штырь, потом потянул лицевую часть, на себя снимая ее.

Демьян, как только освободился от этой ужасной вещи, вздохнул полной грудью и вытер лицо.

— Месье, я думаю, вам очень не понравилось находиться в таком положении, — сказала Екатерина Медичи, с любопытством рассматривая его, — моим первоначальным порывом души, было повесить вас, или же убить без лишнего шума. Но зов сердца иногда противоречат здравому рассудку. Этот урок я уяснила еще в ранней молодости. И к тому же события последних дней излили на землю Франции очень много крови. Хватит крови..... Вы можете быть полезным французской короне.

— Я низжайше прошу прощения Ваше Величество, но я не могу знать, в чем меня обвиняют. Почему скромный аптекарь из Московии вдруг стал угрозой для Вас? — залепетал Демьян дрожащим голосом.

Она задумчиво посмотрела в сторону и медленно постучала кончиками пальцев в черных перчатках по подлокотнику.

— Все будет зависеть от вашей искренней лояльности Нам. Насколько вы правдивы, честны и открыты, чисты в своих помыслах относительно Наших Королевских Величеств.

Она кивнула Роебру Сансону. Тот поставил на стол жаровню с углями и, вытащив из ящика щипцы, толстое железное шило, крючья, шарообразный молоток положил все в нее. Небольшой кочергой поворошил раскаленные угли, чтобы инструменты пыток быстрее раскалились. Демьян, молча наблюдая за его действиями, невольно закашлялся, чувствуя, как внизу живота неприятно екнуло и пересохло в горле.

— Я задам вам всего лишь один вопрос, — сказала Екатерина Медичи, продолжая сидеть, откинувшись на спинку кресла.

Она, сделал красноречивую паузу, чтобы узник мог во всей мере осознать важность момента и оценить серьезность вопроса.

— Ваш отец был близок с Изабель де Амбуаз?

Демьян удивленно посмотрел на нее.

— Вдовой маршала Шарля сеньора де Шомона? — уточнила она.

— Ваше Величество, я... Мой отец не посвящал меня в такие подробности своей жизни, я не мог знать этого.... Как такое возможно, чтобы отец рассказывал сыну такие вещи?

— Уж поверьте, месье в этом мире все возможно....

Королева разочарованно повела головой и кивнула палачу. Двое охранников мгновенно, не успев Демьян и глазом моргнуть, схватили его за плечи и сорвали с рубаху, обнажив тело. Мастер Робер взял небольшую раскаленную лопатку и приложил ее к груди Демьяна. Раздался шкворчащий звук и тошнотворный запах паленой кожи наполнил помещение. Демьян закричал, вырываясь из рук охранников, а мастер Робер Сансон приятно ослабившись, поменял орудие пытки. Он взял раскаленные щипцы и вырвал небольшой кусок кожи из тела несчастного узника. У Демьяна от боли, словно бомба взорвалась в голове.

— А-а-а-а...! Твою мать, больно же как!

Он прикусил губу до крови.

— Что вы хотите, черт возьми, от меня услышать?!

Не обращая внимания на его ругань, Екатерина Медичи жестким, но спокойным тоном сказала.

— Только истину! Простушка Изабелль делила ложе с вашим отцом?

И чтобы предостеречь узника, от дальнейшего упорства, пояснила о перспективах его судьбы.

— Каждый раз, когда вы будете мне, лгать мастер Робер будет отрывать от вас куски.... И с каждым же разом они будут становиться намного крупнее предыдущего.

Мастер Робер, не теряя времени, тут же вырвал еще крупный лоскут кожи раскаленными щипцами. И он действительно был побольше.

— Да! Чёрт возьми! Да!

Демьян не мог противостоять ужасной боли.

— Где и когда?

— В замке Фонтенбло у озера Этан Де Карп! Я точно не помню, когда это случилось, но тогда.... Как говорил отец, у короля не задалась охота и он решил выместить разочарование своими неудачами на Изабелль, отослав ее в монастырь.... Черт, как же больно....

— Так я и думала, — задумчиво сказала Екатерина Медичи.

«Чего ты можешь знать ведьма?! Тебя еще тогда даже в проекте не было!», — отчаянно борясь с болью, подумал Демьян.

— Прошу Вас, Ваше Величество скажите, за что вы причиняете мне муки? Я ведь ничего не сделал, — взмолился Демьян.

— Вы нет, — усмехнулась в ответ она, — а вот ваш отец совершил. Ему надлежало держать в узде свою дьявольскую похоть. Простушка Изабелль, ах, простушка Изабелль....

— Но ведь сын не отвечает за отца!

И тут Демьяна, словно громом поразило, он понял причину своих злоключений и ту смертельную опасность, в которой он оказался. Он даже забыл о боли. Замолчал. И оторопело уставился на королеву. Та поняла, что наконец-то сидящий перед ней человек «прозрел». Она подняла руку и все кроме палача вышли из комнаты.

— Теперь ты понял, низкий аптекарь из Московии, какое преступление совершил твой отец. Какую угрозу он создал нашей законной монаршей власти, примешав презренную, грязную кровь простолюдина в кровь человека помазанного божественной властью. И что единственный выход из этой непростой ситуации это незамедлительно убить тебя! Иначе, если ты раскроешь свой рот, и это дойдет до монархов всей Европы, каждый сможет поставить под сомнение владение Нами французской короной и многих территорий, за которые мы веками спорим с другими монархами. Так как все заподозрят в законном монархе отсутствие благо-

родной королевской крови! Этим воспользуются все, начиная от испанцев и до болвана германского императора.

— Я никогда не скажу этого никому, — сказал Демьян.

Екатерина Медичи впервые за все время допроса с пристрастием искренне засмеялась.

— Уж поверьте, месье Демьян, я об этом хорошенько позабочусь, что из ваших уст ни одно слово не сойдет.

«Но ты меня не убила проклятая ведьма», — подумал Демьян, — «значит, у тебя есть какие-то планы. Что-то ты задумала и без моей особы не можешь обойтись.... Либо рассчитываешь на то, что использовать меня более выгодно, чем казнить. Надо торговаться с тобой, вынудить тебя раскрыть все свои карты».

Демьян, избегая излишней театральности, прижал руку к особо кровоточащей ране и поморщился. Он сполз с топчана, встав на колени перед ней. Опустил голову, выражая самое искренне смирение. Так подползают в стае волки, признавая самого сильного из них вожаком.

— Ваше Величество, я могу быть Вам очень полезен живым, чем мертвым.

— Это чем же?

Хотя в ее вопросе и прозвучал выраженный сарказм, но Демьян уловил едва заметные интонации, которые подтвердили его догадки.

— Ваше Величество я мог бы выполнять важные поручения французских монархов в Московии. Посудите сами, как человек, рожденный в землях царя и Великого князя Московского, я как никто лучше знаю политическое устройство московского государства. У меня есть связи, и я могу выполнить полезные миссии для французской короны, которой я предан еще со времен моего отца.

Екатерина Медичи надолго замолчала, уставившись на жаровню с раскалёнными орудиями пыток. Демьян нутром почувствовал, что королева уже приняла решение, но ей было важно, чтобы его интерпретация исходила именно от него. Таким образом, она могла посадить его на некий психологический поводок и, выгуливать, дергая в определенный момент.

— Божье провидение дает вам шанс избежать смерти. У меня, как раз есть одна очень пикантная миссия для такого проныры, как вы месье Демьян, а я уверена, что вы есть самый изворотливый, хитрый и умный мошенник, — она повернулась к нему и посмотрела прямо в глаза, — но, как я могу вам доверить это важнейшее задание не подозревая вас в измене или отсутствии лояльности Нашей короне?

— Вам нужны твердые гарантии, того что я не сбегу, как только окажусь на свободе?

Она медленно и снисходительно моргнула своими выпученными глазами.

— И еще, что вы будите надежно держать язык за зубами.

Демьян призадумался. Как бы это не прозвучало из ее уст, эта проклятая баба была права. Он и сам бы очень сильно сомневался в лояльности человека, которого жестоко пытали, а потом запросто отправили с заданием в родную страну. Ну не совсем на данный момент родину, в его случае, скорее всего прародину.

Быстро подавив возникшие угрызения совести, он сказал.

— У меня есть такая гарантия Ваше Величество. Вам не придется беспокоиться о том, что я нарушу данное вам обещание и сбегу. Вы получите полное удовлетворение моим предложением.

— Извольте.... Что это за условия? — спросила она, наклонившись к нему чуть прищурив один глаз.

В отблесках красных всполохов жаровни королева Франции, одетая во все черное производила жуткое зрелище — имея явные признаки легкой экзофтальмии, она смотрела на него одним красноватым выпученным глазом, словно прожигая сидящего узника перед ней насквозь.

«Блять.... Вурдалачина настоящая....», — подумал Демьян, даже позабыв о ноющей боли на месте рваных ран.

Он осторожно сглотнул слюну и рассказал ей о своих гарантиях лояльности. Екатерина Медичи удовлетворенно покачала головой.

— Очень хорошо. Но вы месье Демьян должны осознавать всю ответственность, что ложится на вас в случае неисполнения своих клятв. И поверьте, вас будут ожидать страшные сожаления о своем предательстве до конца вашей жалкой жизни.

— Что я должен для вас сделать Ваше Величество?

Она откинулась обратно на спинку кресла.

— Для начала мы закрепим ваши гарантии в договоре. Нет ничего лучше, чем закрепить грехопадение на бумаге. Так оно останется в веках, и имя человека совершившего его будет до скончания времени покрыто позором.

Демьян глядя на нее представил, как она, выдыхая из носа ядовитый серный дым, достает волшебным образом из воздуха, пергамент, из выделанной кожи какого-нибудь грешника, с горящими на нем синим пламенем буквами. А потом, алчно смотря на него, через клубы желтого дыма, своими на выкате глазами, заставляет подписать договор кровью, тыча пальцем с острым черным ногтем в пустое место на нем.

Но вместо этого за ее спиной возник сухонький старичок с острым крючкообразным носом и тонким подбородком похожим на коготь. Он стоял в черной шерстяной мантии и такой же черной шапочке наподобие таблетки с опущенными, небольшими ушами. Одежда аккуратная и темная, как у его госпожи. На локтях сильные потертости, одна пола накидки тщательно заштопана, что свидетельствовало о крайней скромности субъекта и бережливости. Выбивался лишь один щегольской штрих — небольшое облезлое страусовое перо, прикрепленное к шапочке медной брошью.

— Мой преданный секретарь и советник мастер Козимо Руджери он подготовит соответствующий договор.

Стряпчий, шурша мантией почти беззвучно, держа в руках папку с бумагами, массивную чернильницу и небольшую сумку, прошел к столу. Его тень, восставшая на стене в бликах жаровни, была похожа на жука богомола, крадущегося к беспечной жертве, чтобы схватить ее в цепкие лапы обязательств, договоров и клятв, из которых она уже не сможет вырваться никогда, пока, не лишится головы.

— Мастер Руджери будет готовить договор, а я посвящу вас в детали вашей миссии. Кстати, мастер Руджери потом присоединится к ней, но пока он занят здесь, выполняя для меня некоторые важные задания. Находясь рядом с вами, он будет не просто моими глазами и ушами, он будет моими устами.

Демьян, бросил еще раз взгляд, на безобидного старика богомола.

«Да черт с этим дедом, лишь бы не мешался под ногами».

Он еще не знал, что за тщедушной внешностью старого стряпчего скрывается не только хитрый делопроизводитель, но и хладнокровный и умелый мастер яда и кинжала, который способен выйти из состояния напускной дряхлости и нанести быстрый смертельный удар. Кроме этого Козимо Руджери практиковал магию и считался признанным знатоком астрологии при французском дворе.

Екатерина Медичи в очередной раз внимательно посмотрела в глаза Демьяну и сказала.

— Французское королевство подобно одинокому кораблю Одиссея, которому предстоит пройти через Сциллу и Харибду. С одной стороны Англия, имеющая необоснованные претензии на французский престол, Священная Римская империя во главе с этим болваном, грубияном и похотливым обжорой германским императором. Он настолько ненасытен, что все время имеет желание откусить жирный кусок от Италии. Туда же смотрят жадные испанские монархи. В интересах французского короля занять германского императора другими полити-

ческими делами, пока король силою своего оружия вернет Франции законное господство над Севером Италии. А для этого на польский престол нужно посадить моего сына Генриха. Пусть германский император занимается вопросом Речи Посполитой. Я думаю, воспоминания о бесславной битве при Танненберге жгут адским пламенем его грубое немецкое сердце. Так пусть он и обратит свои взоры на Восток.

Екатерина Медичи помолчала.

— В жилах Генриха есть толика вашей низкой крови, но все же он королевской крови и может претендовать на престол варварского государства созданного хитрым, как дьявол Сигизмундом в результате сговора на Люблинской унии. Но этому мешает одна особа — польская принцесса Анне Ягеллонке, как ее называет между собой польская шляхта королева девственности. Она последняя представительница династии Ягеллонков и претендует на польский престол. Ее горячо поддерживают крупные польские феодалы. Я знаю, что к ней сватался ваш русский царь и Великий Князь Московский Хуан Безумный. Таким образом, этот разбойник московит хочет укрепить свое кандидатуру на польский престол. Она ему отказала.... Вы должны сделать этот брак возможным. Пусть Анне Ягеллонке выйдет замуж за него. Но! — она, подняла палец, — ни в коем случае не допустить ее династический брак с Генрихом!

У Демьяна, который мгновенно позабыл о боли, о договоре, о всех его окружающих ужасах, отвисла от удивления челюсть.

— Вы хотите, чтобы я, каким-то образом выдал замуж эту барышню, как там ее, Анне Ягеллонке, замуж за Ивана Грозного? За этого абсолютно сумасшедшего кровавого упыря?

— Да, — спокойно ответила Екатерина Медичи, — у вас есть другие предложения, на сей счет?

Палач мастер Робер за ее спиной ухмыльнулся и для пущей убедительности поиграл мускулами, сложенными на груди руках.

— Нет, Ваше Величество.... Конечно же, нет....

«Твою же мать!..», — Демьян не мог поверить в этот совершенно бредовый план, — «как можно по доброй воле выйти замуж за человека, который устраивает веселое шоу, травлю людей голодными медведями, топит в пруду и ссылает в монастырь своих жен и других несчастных девушек. За жестокого насильника педофила, который хвастается на всю Европу, что он растлил тысячу юниц. О, Боже! Да какая я же нормальная женщина согласится на это?!».

Но вместо этого он спокойно ответил.

— Нет ничего проще Ваше Величество. Все будет сделано в лучшем виде. Мы выдадим Анне Ягеллонке замуж за это чудовище. Только я хочу взять с собой одного из своих близких друзей.

— Отлично месье Демьян, — она повернулась к начальнику своей стражи, — проводите этого господина Вейлр. И приказываю вам, если он попытается сбежать или обмануть, нарушив наше соглашение, пока не предоставит гарантии, убейте его на месте, не раздумывая.

— Будет исполнено Ваше Величество, — капитан стражи коротко поклонился.

— Поверьте мне Ваше Величество, я не сбегу, — заверил ее Демьян.

Он уже хотел было повернуться и выйти вместе с капитаном Вейлором.

— Пойдите месье Демьян, — приказала королева, — я вижу в вас то, что вы пока сами в себе не видите. Поэтому я знаю, что вы не сбежите. Такие мошенники и авантюристы, как вы, двигают историю, выполняя волю государей. Ступайте.

Глава 8. Договоры и обещания. Что между ними общего?

Демьян естественно не имел конкретного плана своих действий относительно предстоящей миссии. Главное что сейчас было важно — он свободен, выиграл драгоценное время, а как проверить это безумное предприятие он придумает. Но он понимал, что, подписав с королевой договор, должен выполнить его, иначе ему придется заплатить за нарушение клятвы очень страшную цену. Но чем больше он размышлял о своем задании, тем больше он приходил к заключению о невозможности его выполнить.

«Как?! Как, твою мать, я могу это осуществить?!», — вопрошал он сам себя, пока под охраной возвращался обратно в помещение своей аптеки, — «надо быть абсолютно беспроектной душой, чтобы на это согласиться. Сумасшедшей!».

Но еще один вопрос затаился червем в его мозгу — королева Екатерина Медичи прекрасно осознавала фантастичность ее планов и задумок, но она все же отпустила Демьяна на волю, чтобы он осуществил невероятную миссию.

«Проклятая ведьма!», — выругался он, — «что-то здесь не сходится».

Они вошли в аптеку.

«Черт с ним! Ладно, подумаю обо всем этом позже.... Мне пока важно, чтобы Бруно и Гастон уже возвратились. В противном случае, «робот Вейлр» прирежет меня и глазом не моргнет».

Помещение не сильно пострадало от мародеров, и кто-то даже уже привел его немного в порядок. Смет пыль десятилетий, расставил по местам предметы, убрал мусор и паутину в углах.

— Бруно-о, Гасто-он, — позвал Демьян, — это я парни. Я дома.

Сверху раздались осторожные шаги, и по лестнице спустился Бруно, испуганно поглядывая на Демьяна и на трех вооруженных людей рядом с ним.

— Ты живой братишка? — спросил он, подозрительно.

— Ты же не хочешь сказать, что перед тобой говорящий мертвец, — криво ухмыльнулся Демьян, думая о том, как начать с самым близким другом и братом, весьма непростой разговор, — все хорошо я дома....

Он повернулся к капитану стражи и тихо сказал.

— Сеньор, прошу, дайте мне немного времени. Вы же понимаете....

Тот, будучи благородным человеком, кивнул и, дав знак своим людям, отошел в сторону. Бруно бросился Демьяну на шею.

— Братишка, черт побери! Братишка! Я так переживал! Я уж думал, что тебя убили в этой мясорубке, — говорил он, не останавливаясь со слезами на глазах, — я высунулся на улицу, а там ужас! Мертвые люди лежат повсюду! Как же ты уцелел?! Ну, теперь то уж мы свое вернем!

— Все, все, — успокаивал его Демьян.

— А это что за гориллы с тобой? — прошептал Бруно.

— Это стража, люди французской королевы Екатерины Медичи. У нас теперь есть некоторые связи при королевском дворе.

— Ну, ты красавчик! — не унимался Бруно, — успел наладить ход даже в такой заднице, что творилась здесь. А ведь я уже подумывал, что не увижу тебя!

— Бруно все хорош, причитать.... А где Гастон?

Бруно на мгновение замолк. Потом пряча взгляд заговорил.

— Тут такое дело.... Мы, когда вышли он, словно обезумел....

— Ну, надо полагать, он никогда там не был, — очень тихо сказал Демьян, предчувствуя неладное, — что случилось?

Бруно замялся.

— Он как увидел машины, людей стал вот ну прямо сам не свой.... Сначала ошалело смотрел по сторонам. Ну, вот прям не свой, — повторил он.

— Говори, — прошипел Демьян, — я тебе доверил его, а ты не смог даже присмотреть за ним.

— Тебе легко говорить, — парировал Бруно, — ты бы сам попробовал удержать этого дурного Д'Артаньяна. Он выхватил рапиру и, проклиная дьявола, стал кидаться на машины. Собрались люди вокруг, он на них.... Тут подъехали менты, приняли его, как полагается, предварительно присушили дубинкой по спине и выключили электрошокером.

«Пипец....», — Демьян знал, что для Гастона его путешествие в будущее будет шоком, но он надеялся, на Бруно, который имея опыт адаптации дочки пекаря, сможет справиться и с этим.

— А ты где был? — спросил он.

— Прости, май дарлинг, я не мог быть рядом, меня бы, так же как и его без лишних церемоний замели. Я же тоже был в одежде пятнадцатого века и как ты помнишь при холодном оружии. Вот представь, что чувака размахивающего рапирой и орущего на французском наречии кладут мордой в асфальт, а тут подбегает такой же, с рапирой и начинает отжимать его у ментов. Меня, так же как и его отправили бы в дурку, и ты бы даже не узнал, где мы и что с нами. Хотя со мной было бы как раз еще хуже. Потому что меня там хорошо знают.

— Да ты прав я не подумал. А его точно отправили в дурку?

— Я времени не терял и все разузнал. Сначала его определили в обезьянник при отделении, а потом, видя, что он совсем того.... Несет всякую чушь, которую никто не способен понять, рычит как зверь, бросается на сотрудников отделения... Кто он, что он? Отпечатков пальцев нет, в базе данных нет, он вообще никто. Менты вызвали скорую помощь из психбольницы и скинули его со своих рук долой.

— Черт возьми. Это все усложняет. Надо вытаскивать его оттуда. Какой же я болван, что не попытался раньше все ему объяснить. Он мне сейчас очень нужен. И еще....

Демьян как можно более ласково обнял его за плечи. Тот сразу напрягся.

— Бруно тут такое дело.... Прости меня братишка....

— Ты это о чем?

Он подозрительно отстранился от Демьяна и сделал шаг назад.

— Бруно, меня поставили перед очень сложным выбором. И мне нужно осуществить одну очень сложную миссию для Екатерины Медичи и французской королевской семьи.... И вообще там и мои интересы тоже вплетены как бы... Родственные, так сказать. Я просто тебе всего не рассказывал....

Но его друг пропустил мимо ушей все убаюкивающие внимание преамбулы и сбивчивую вступительную речь.

— Ты чего мне мозги крутишь говнюк?!

У Бруно испуганно забегали глаза то на Демьяна, то на троих стражников. Несколько секунд он, складывал пазлы в своем сознании, но, так и не поняв, что происходит, решил действовать. Он неожиданно извернулся и прыгнул в сторону замаскированного хода в будущее, но капитан Вейлр был начеку. Его сильная рука сбила Бруно с ног, а потом для надежности он прижал спину беглеца неудачника коленом к полу, прекратив все попытки к бегству.

— Что за херню ты творишь?! — завизжал Бруно, — братишка, брат, что ты задумал твою мать. За что?!

Двое стражников крепко взяв его за руки, поставили на ноги. Бруно пытался вырваться, но тщетно. Он сделал несколько попыток и беспомощно обмяк в их сильных руках.

— Что ты творишь сука-а-а? — проскулил он.

Демьян подошел к нему.

— Прости меня Бруно, умоляю, прости, это часть договора. Поверь мне, все будет хорошо.

— Какого еще, твою мать, договора? Я блять, ни с кем не договаривался!

Демьян, морщась от боли, снял камзол и задрал рубаху, показывая ему на своем теле страшные жженые раны.

— Что это? — спросил Бруно бледнея.

— Меня пытали и хотели убить по приказу королевы Екатерины Медичи. Но я заключил с ней договор, что в обмен на свою жизнь я выполню для нее одну очень важную миссию. Но чтобы я не сбежал, я должен дать ей гарантии своей лояльности. Это гарантия ты — заложник, мой брат. В средние века часто так делали... Но тебе ничего не угрожает, ты будешь жить в нормальных условиях, еда, защита, только немного ограничен в свободе и всегошеньки, — Демьян лгал, как мог, кляня про себя свою продажную и трусливую натуру, — когда я выполню миссию, нас всех отпустят и щедро наградят. Представляешь! По-королевски наградят! Если бы я не принял ее условий, то меня стопудово сначала жутко запытали, а после повесили. Прости Бруно.

— Сука-а-а.... Какие нахер королевские награды?! Ты предал друга, брата..., — прошептал Бруно.

— У меня не было другого выхода!... Хорошо! — разозлился Демьян, — моя долгая мучительная смерть или тебе пожить несколько месяцев в состоянии ограничения свободы в одной из башен королевского дворца, на полном дворцовом обеспечении! Что ты выбираешь? И скажи! Был ли у меня выход? — указал он пальцем на следы пыток.

Бруно опустил голову.

— Что хоть за миссия, — спросил он пристыженный, обреченным голосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.